АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Валеріана Александровича Бельгарда [1].

9-го февраля 1897 года скончался одинъ изъ старѣйшихъ героевъ кавказской эпопеи генералъ-отъ-инфантеріи Валеріанъ Александровичъ Бельгардъ. На страницахъ «Русской Старины», давшей намъ уже столько жизнеописаній выдающихся отечественныхъ дѣятелей, конечно у мѣста будетъ и воспоминаніе о такой, во всѣхъ отношеніяхъ доблестной личности, какою былъ покойный.

Вскорѣ послѣ его кончины появились въ разныхъ газетахъ болѣе или менѣе обстоятельные некрологи, свидѣтельствовавшіе, что Бельгардъ не даромъ достигъ высокаго служебнаго положенія. Но не одна примѣрная служба его поучительна, поученъ и внутренній міръ этого человѣка. Міръ этотъ не могъ быть извѣстенъ писателямъ некрологовъ, равно какъ и разные подробности частной и служебной жизни Бельгарда.

Подробности эти выясняются въ ниже помѣщенной автобіографіи покойнаго, записанной съ его словъ однимъ изъ близкихъ родственниковъ.

Съ своей стороны долгомъ считаю предпослать этой автобіографіи (къ сожалѣнію, доведенной только до похода въ Дарго, въ 1845 г.) нѣсколько замѣтокъ о Бельгардѣ, какъ о человѣкѣ.

Имѣвъ честь знать его давно и близко, я ни разу не имѣлъ случая разубѣдиться въ составленномъ мною о немъ понятіи, а потому

---

[1] Записано съ его словъ въ 1891 году.

смѣло утверждаю, что то былъ истинно рыцарскій характеръ, — изъ тѣхъ, которые все рѣже и рѣже встрѣчаются.

Въ высшей степени чуткій въ вопросахъ чести и справедливости, Бельгардъ, въ случаѣ ихъ нарушенія, ни передъ чѣмъ не останавливался, и, съ прирожденной ему пылкостію, высказывалъ свое негодованіе иногда въ очень рѣзкой формѣ. Нѣкоторые эпизоды, приведенные въ его автобіографіи, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Что подобныя выходки при тогдашней строгости дисциплины ему сходили съ рукъ безнаказанно, служитъ лишь доказательствомъ того, какъ дорожило имъ высшее начальство. Да и нельзя было не дорожить. Лично храбрыми людьми Кавказъ того времени изобиловалъ, но гораздо рѣже встрѣчались умѣлые, распорядительные начальники, хорошо усвоившіе себѣ уроки своеобразной войны съ горцами и, кромѣ того, внушавшіе своимъ подчиненнымъ безграничное довѣріе къ себѣ и преданность.

Съ беззавѣтной отвагой Бельгардъ соединялъ рѣдкую правдивость и рѣдкое безкорыстіе. Въ своихъ частныхъ денежныхъ дѣлахъ онъ далеко не былъ, что называется, практическимъ человѣкомъ, и состоянія никакого не нажилъ, кромѣ жалованныхъ ему арендъ и маіората за служебныя отличія. Казенный рубль былъ для него святыней, до которой онъ касался лишь для удовлетворенія казенныхъ нуждъ. Скажутъ, что такъ и слѣдовало поступать и что въ этомъ особой заслуги нѣтъ. Вѣрно! но только припомнимъ ту эпоху, когда наживаться отъ командованія полкомъ или вообще какою нибудь частью считалось дѣломъ вовсе не предосудительнымъ, когда эта нажива совершалась, такъ сказать, съ вѣдома «власть имущихъ», и намъ нельзя будетъ не отнести Бельгарда къ горсти избранныхъ, не увлеченныхъ общимъ мутнымъ теченіемъ, и не поставить ему этого въ особую заслугу.

Пылкость характера соединялась у Бельгарда съ чрезвычайнымъ добродушіемъ и гуманностію. Въ минуту справедливаго гнѣва сильно доставалось иногда его подчиненнымъ; но никого изъ нихъ онъ не дѣлалъ несчастнымъ, и всегда оказывалъ сердечное и дѣятельное участіе тому человѣку, котораго считалъ заслуживающимъ помощи.

Какъ всѣ люди добраго сердца, Бельгардъ очень любилъ дѣтей. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ лѣтніе мѣсяцы проводилъ обыкновенно въ Павловскѣ, и тамъ вся дѣтвора была его друзьями пріятелями. Когда потомъ жестокая болѣзнь лишила его употребленія ногъ, онъ приказывалъ возить тебя въ колесномъ креслѣ на площадку вокзала, гдѣ днемъ, въ особомъ павильонѣ, играетъ военная музыка, и тамъ любовался на игры и танцы дѣтокъ. Каждаго изъ подводимыхъ или подносимыхъ ему малютокъ онъ обласкаетъ, а тѣ, сидя на колѣняхъ у стараго ветерана, играютъ его георгіевскимъ крестомъ, добы-

тымъ въ кровавомъ бою съ горцами. На картину эту нельзя было не залюбоваться.

Добавимъ нашъ бѣглый очеркъ характера покойнаго Валеріана Александровича еще тѣмъ замѣчаніемъ, что карьерой своей онъ обязанъ былъ единственно личнымъ заслугамъ, такъ какъ никакой протекціей не пользовался и никакихъ связей съ сильными міра сего не имѣлъ.

За два года передъ кончиной Бельгарду довелось отпраздновать юбилей безпримѣрный, сколько намъ извѣстно, въ лѣтописяхъ русской арміи: то было 50-лѣтіе имъ же сформированнаго (въ 1845 г.) Кубанскаго егерскаго (нынѣ 76-го пѣхотнаго) полка. Въ этотъ достопамятный для него день онъ, кромѣ полученныхъ имъ отъ полка трогательныхъ по своему смыслу телеграммъ, зачисленъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ сформированный имъ полкъ съ правомъ носить мундиръ онаго.

То была послѣдняя награда угасавшему герою.

И. Ореусъ.

I.

Краткая родословная фамиліи Бельгардовъ.—Рожденіе.—Жизнь въ Выборгѣ.—Поступленіе въ Пажескій корпусъ.—Внутренняя жизнь въ корпусѣ.—Воспитатели.—Производство въ офицеры.—Служба въ Преображенскомъ полку.—Командированіе на Кавказъ.—Генералъ А. А. Вельяминовъ.—Кабардинскій полкъ.—Экспедиція за Кубань.—Полученіе тяжкой раны.—Плохое леченіе.—Отъѣздъ за границу.—Столкновеніе съ нѣмцами.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Вслѣдствіе революціи во Франціи, мой дѣдъ, генералъ-лейтенантъ Бельгардъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ эмигрировалъ въ Россію. Фамилія Бельгардъ была одною изъ древнѣйшихъ и лучшихъ фамилій Франціи и всегда отличалась своею преданностью королевскому дому.

Революція застала Бельгарда-дѣда генералъ-лейтенантомъ и инспекторомъ артиллеріи, а отца—капитаномъ артиллеріи. Они оба были приняты при императрицѣ Екатеринѣ на русскую службу. Дѣдъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Россію и, какъ извѣстно по слухамъ, въ Митавѣ, а отецъ, дослужившись до чина генералъ-маіора, умеръ въ 1816 г., въ Выборгѣ, будучи начальникомъ артиллерійской бригады. Отецъ оставилъ по себѣ память честнаго, храбраго и полезнаго генерала. Давъ присягу на вѣрноподданство Россіи, онъ перенесъ любовь къ Франціи и преданность королямъ въ свое новое отечество. Онъ принималъ горячее участіе въ войнѣ съ Швеціей. За взятіе штурмомъ крѣпости Сварт-

хольмъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени; потомъ былъ комендантомъ въ Свеаборгѣ. Тремъ своимъ сыновьямъ: Александру, Карлу и Валеріану онъ завѣщалъ только свои вѣрноподданническія чувства къ Россіи. Старшій, Александръ доказалъ 4-го августа 1855 г., въ сраженіи при Черной-рѣкѣ, что достоинъ имени своего отца. Онъ палъ въ этомъ сраженіи смертію храбрыхъ, во главѣ ввѣреннаго ему Украинскаго полка. Братъ Карлъ и я провели лучшіе годы нашей жизни на Кавказѣ.

Я родился въ 1812 г., 25-го марта, въ Свеаборгѣ, гдѣ отецъ мой въ то время былъ комендантомъ; крестнымъ отцомъ моимъ былъ командовавшій войсками въ Финляндіи графъ Валеріанъ Зубовъ, въ честь котораго и я былъ названъ Валеріаномъ; крестной же матерью была жена адмирала, графиня Гейденъ, мужъ которой въ то время начальствовалъ флотомъ, стоявшимъ тогда у береговъ Финляндіи. Когда моего отца назначили командиромъ артиллерійской бригады, мы всѣ переѣхали въ г. Выборгъ, на родину моей матери. Въ 1815 г. отецъ отвезъ моихъ двухъ братьевъ въ Петербургъ, для опредѣленія въ Пажескій его императорскаго величества корпусъ, а въ 1816 г. скончался. Моя матушка Наталья Карловна была рожденная Швенцонъ. Послѣ смерти моего отца она получила пенсію въ 1.800 р. ассигнаціями и, такъ какъ на эти деньги трудно было жить и воспитывать дѣтей даже и въ скромномъ Выборгѣ, то она хлопотала о мѣстѣ, и въ 1823 г. была назначена инспектрисою Смольнаго монастыря. Двое ея сыновей уже учились въ Петербургѣ, а полученное мѣсто дало еще возможность воспитывать въ Смольномъ и двухъ дочерей.

Я былъ сначала оставленъ въ Выборгѣ у бабушки, которая меня очень любила и, хотя еще былъ очень малъ, но хорошо помню, что физіономія края тогда была совершенно другая, чѣмъ теперь. Выборгская губернія совсѣмъ не имѣла шведскаго характера, мѣстные образованные классы населенія скорѣе были нѣмецкіе, такъ какъ дѣти нерѣдко посылались учиться въ Дерптъ, и вообще губернія имѣла тяготѣніе къ Балтійскимъ провинціямъ. Въ Выборгѣ была гимназія и въ ней преподаваніе шло на нѣмецкомъ языкѣ, о шведскомъ же не было и помину. Я помню это очень хорошо, потому что учился въ гимназіи нѣсколько мѣсяцевъ въ самомъ младшемъ классѣ. Въ нашей семьѣ, при жизни отца преобладалъ французскій языкъ, но говорили и по-нѣмецки, и по-русски. Бабушка моя своимъ роднымъ языкомъ считала нѣмецкій, но по-русски звала хорошо, и я какъ теперь помню маленькую книжку стихотвореній Дмитріева, по которой она меня учила стихи «Стонетъ, стонетъ сизый голубочекъ».

Изъ гимназіи меня скоро взяли, и было рѣшено, что, продолжая жить у бабушки въ Выборгѣ, я буду готовиться къ поступленію въ

Инженерное училище, для чего и начали ходить ко мнѣ учителя математики и исторіи; но эти занятія не мѣшали мнѣ, рѣзвому и живому мальчику, вдоволь побѣгать и пошалить. Я помню какъ я пугалъ мою добрую бабушку, скатываясь зимой на салазкахъ съ огромной горы внизъ на проѣзжую дорогу; или взберусь, бывало, на самую верхушку большого дерева и раскачиваюсь тамъ на сучкѣ, а она, бѣдная, боится взглянуть на меня и проходитъ молча, творя въ умѣ молитву. Долженъ признаться, что въ нашемъ маленькомъ городкѣ Выборгѣ меня всѣ знали и считали за большого шалуна.

Въ небольшой нашей библіотекѣ находилось жизнеописаніе великихъ людей, Плутарха. Это была моя любимая и, можно сказать, единственная книга, которую я читалъ, перечитывалъ и зналъ почти наизусть.

Большимъ моимъ другомъ былъ старый отставной солдатъ Суворовскихъ временъ. Онъ жилъ на форштадтѣ, и я часто къ нему бѣгалъ. Заберемся мы оба на высокую печь, прикроетъ онъ меня своимъ полушубкомъ и разсказываетъ безъ конца про свои походы и удаль молодецкую, про чудо-богатырей, про товарищей, погибшихъ въ бою и много, много такого, что заставляло биться мое сердце. Онъ меня очень любилъ, ходилъ со мною гулять, водилъ и въ трактиры, гдѣ я встрѣчалъ полный разгулъ; купитъ тамъ пряниковъ и дастъ мнѣ; и съ какою радостью выбѣгалъ я изъ этого притона, чтобы вновь слушать прерванный разсказъ о богатыряхъ. Замѣчательно то, что мой старый другъ, хотя и любилъ въ праздничный день выпить лишнюю рюмочку, но при мнѣ онъ никогда не пилъ, оберегая такъ честно своего любимца.

Можно себѣ представить ужасъ моей бабушки, когда она узнала о моей дружбѣ, и въ особенности о моихъ прогулкахъ! Но ни просьбы ея, ни увѣщанія на меня не дѣйствовали: я продолжалъ убѣгать на форштадтъ. Тогда, несмотря на свою любовь ко мнѣ и на свою доброту, она вздумала какъ нибудь меня наказать и призвала для совѣщанія одного нашего дальняго родственника, Вульферта. Я не зналъ, что со мной будетъ и готовилъ на всякій случай, съ своей стороны, разные проекты. Вульфертъ тихо вошелъ въ мою комнату, долго и пристально на меня смотрѣлъ и молча удалился; но войдя къ моей бабушкѣ сказалъ, что наказывать меня не слѣдуетъ. Тѣмъ дѣло и кончилось къ полной радости и бабушки и внука.

Въ 1824 г. старшій мой братъ Александръ былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей въ Преображенскій полкъ, и въ томъ же году, 4 іюня, я былъ принятъ въ Пажескій корпусъ, согласно желанію покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая всегда очень милостиво относилась къ моей матушкѣ.

О Пажескомъ корпусѣ я сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. Когда я туда поступилъ, то во 2-мъ классѣ еще находился мой братъ

Карлъ, который былъ старше меня пятью годами. Такимъ образомъ я поступилъ прямо подъ его покровительство и былъ помѣщенъ въ одно съ нимъ отдѣленіе,—несмотря на свои 12 лѣтъ,—такъ какъ младшимъ братьямъ позволяли быть въ одномъ отдѣленіи со старшими. Въ каждомъ отдѣленіи, для надзора за порядкомъ, помѣщались два камеръ-пажа.

Тогда, при поступленіи въ корпуса, не было никакихъ конкурсныхъ экзаменовъ. Мальчика, принятаго въ корпусъ, родители приводили и сдавали корпусному начальству. Въ корпусѣ его мыли, одѣвали въ форму и потомъ, если онъ былъ плохо подготовленъ (а нерѣдко и совсѣмъ не подготовленный), ему давали учителей и подготовляли его къ поступленію.

Когда меня привезли, то на разспросы о томъ, чему я учился, я такъ бойко называлъ предметы, которымъ меня обучали, готовя въ Инженерное училище, что мнѣ экзамена настоящаго не дѣлали, и въ первое время, поступивъ въ отдѣленіе, гдѣ былъ мой старшій братъ, я съ нимъ же сталъ ходить и въ классы; но потомъ меня проэкзаменовали и изъ 2-го класса переселили въ 5-й; а въ мартѣ 1825 года опять оставили въ томъ же классѣ, гдѣ на слѣдующій годъ я сдѣлался первымъ ученикомъ, и первымъ же шелъ въ 4-мъ и 3-хъ классахъ. Въ двухъ старшихъ я немного опустился; но все же попалъ въ камеръ-пажи, въ числѣ 8 человѣкъ. Камеръ-пажей по штату полагалось тогда 16, но случалось, что при выпускѣ иные изъ нихъ оставлялись въ классѣ на другой годъ, или по молодости лѣтъ (16 л.), или по неудовлетворительности экзамена, тогда слѣдующему классу иногда оставалось очень мало камеръ-пажескихъ ваканцій. Когда мы переходили въ старшій классъ, 8 камеръ-пажей было оставлено въ корпусѣ, а изъ насъ только 8 было произведено.

Пажескій корпусъ въ мое время помѣщался тамъ же, гдѣ и теперь, только зданіе подверглось, еще при мнѣ, большимъ передѣлкамъ. Мы помѣщались въ бывшемъ Мальтійскомъ дворцѣ и вокругъ него былъ огромный садъ, доходившій до Фонтанки. Садъ былъ намъ необходимъ, потому что лѣтнихъ каникулъ не было: мы жили лѣтомъ въ корпусѣ и продолжали учиться.

Зданіе не было приспособлено для учебнаго заведенія: все оставалось такъ, какъ было во дворцѣ. На потолкахъ были миѳологическія картины, писанныя на полотнѣ. Шалуны стрѣляли въ эти картины книгами и иногда такъ ловко попадали, что книги пробивали полотно и оставались между нимъ и потолкомъ. Гдѣ теперь помѣщается лазаретъ, тамъ у насъ была столовая, а лазаретъ помѣщался во флигелѣ. Гдѣ теперь столовая, тамъ было великолѣпное «антрѣ», съ колоннами и огромной лѣстницей, уставленное статуями. Особенно помню статую

Минервы и негодованіе начальства, когда на ней оказалась надпись въ стихахъ приблизительно такого содержанія:

„Минерва! образъ твой не къ мѣсту помѣщенъ,
Сей домъ не мудрости—разврату посвященъ.
Налѣво взоръ свой обрати,
Ты видишь Гюне дурака,
Направо—Клугена обжору
И казначея Иванова вора".

По всей вѣроятности, память мнѣ измѣняетъ, и стихи могли быть гораздо складнѣе; во всякомъ случаѣ въ нихъ была доля истины. Борисъ Егоровичъ Гюне былъ воспитатель 2-го отдѣленія и умомъ не отличался. Служилъ онъ сперва въ гвардіи во время императора Павла. Ведя караулъ и встрѣтивъ государя, онъ растерялся и, вопреки всѣмъ правиламъ, остановилъ караулъ, для отданія чести. Императоръ, посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ: «Дуракъ! перевести его въ гарнизонъ». Потомъ, уже во времена Александра I, директоръ Пажескаго корпуса и начальникъ артиллеріи, Гогель перевелъ его обратно въ гвардію и взялъ въ число корпусныхъ воспитателей. Гогель былъ ученый человѣкъ; имъ былъ составленъ курсъ артиллеріи. Онъ былъ молчаливъ и всегда серьезенъ, за что пажи прозвали его «бука». Въ Гюне онъ ошибся. Этотъ уменъ не былъ,—что и воспѣвалось пажами на всѣ лады. Одна изъ пѣсенъ, на него сочиненныхъ, начиналась такъ:

„А нашъ Гюне, рыцарь горя"...

Вообще, пѣніе процвѣтало въ корпусѣ. Много мы знали русскихъ пѣсенъ, народныхъ и солдатскихъ, много пѣлось и собственнаго сочиненія на мотивъ этихъ пѣсенъ. Обыкновенно пѣсни нашего сочиненія были комическія, съ прославленіемъ персонала воспитателей, въ числѣ которыхъ было много забавныхъ. Воспитатель Клугенъ, попавшій въ стихи, писанные на статуѣ Минервы, былъ дѣйствительно великій обжора. Онъ могъ ѣсть все, что угодно. Обыкновенно насъ кормили довольно хорошо, но иногда случались блюда дурно приготовленныя, или неправившіяся намъ. Начинался шумъ и ропотъ. Обыкновенно предлагали Клугену попробовать, и онъ начиналъ съ большимъ удовольствіемъ ѣсть съ нашихъ тарелокъ и хвалить кушанье.

— Какъ вы говорите: не хорошо? Я съ Максимушкой цѣлую миску съѣмъ!

Это производило общій хохотъ. Впослѣдствіи Клугенъ вышелъ изъ корпуса и былъ полиціймейстеромъ. Изъ остального персонала начальства помню, что инспекторомъ былъ Оде-де-Сіонъ; Данзасъ занималъ должность гофмейстера (то же, что потомъ ротный командиръ); должность полиціймейстера корпуса занималъ Черниковъ, а казначея—Ива-

новъ, не безъ нѣкотораго основанія записанный на статую Минервы. Еще помню воспитателя Бёбера, пострадавшаго 14-го декабря 1825 г. вслѣдствіе своего любопытства. Онъ отправился въ домъ Лобанова, гдѣ теперь канцелярія военнаго министерства, и изъ окна смотрѣлъ на то, что дѣлается на Сенатской площади. Когда началась пальба, пули летѣли въ домъ Лобанова и одна изъ нихъ, пробивъ стекло, угодила Бёберу въ глазъ, отчего онъ окривѣлъ.

14-го декабря не одинъ Бёберъ былъ въ числѣ любопытныхъ; суматоха, распространившаяся по городу, царила и въ корпусѣ; начальство совсѣмъ растерялось, и человѣкъ 10 пажей, я въ ихъ числѣ, воспользовавшись этимъ удрали изъ корпуса на Сенатскую площадь, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ; я не понималъ смысла событій, но стоя съ товарищами около Лобановскаго дома видѣлъ движеніе войскъ, помню залпы артиллеріи, ружейный огонь и свистъ пуль, осыпавшихъ стѣну и окна дома Лобанова, у котораго мы стояли. Къ счастью, мы благоразумно возвратились въ корпусъ. Это были первыя пули, свиставшія около меня. Еще ранѣе этого событія я помню наводненіе 7-го ноября 1824 г., когда около корпуса была вода и плавали лодки.

Внутренняя жизнь корпуса до реформы его въ 1827 г. была очень своеобразна. Пажи получали отъ казны жалованье, 200 руб. ассигнаціями въ годъ, и должны были имѣть свое каждодневное платье, состоявшее изъ двубортнаго сюртука темно-зеленаго цвѣта съ краснымъ воротникомъ и брюкъ того же зеленаго цвѣта. Мундиръ давался казенный и къ нему треугольная шляпа. Прислуга была тоже своя; у иныхъ были свои крѣпостные служители, а нѣкоторые платили отъ себя слугамъ товарищей. Вставали мы, ходили въ классы и сзывались къ обѣду и ужину по барабану. Барабанщиковъ было два: Ивановъ и Самодуровъ; они были одѣты въ особую форму и то же носили шпаги и треуголки.

Время было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: будили насъ въ 7 ч.; отъ 8 до 11 было два урока, по $1^1/_2$ часа. Между 11 и 12 ч.—гимнастика, или фронтъ, или танцы; въ 12 ч. обѣдъ изъ 5 блюдъ; отъ 2 до 4 ч. опять уроки, по часу каждый, въ 5 ч.—чай (утренній и вечерній чай былъ свой, а булки казенныя); между 5 и 8 ч.—приготовленіе уроковъ, въ 8 ч. ужинъ, то же изъ 5 блюдъ; въ $9^1/_2$ ч. отправлялись спать.

Сколько помню, нравы заведенія были очень мягкіе; къ новичкамъ никакихъ приставаній не было, и этого не допустили бы камеръ-пажи, находившіеся въ каждомъ отдѣленіи. Изъ всѣхъ корпусныхъ порядковъ самое непріятное было то, что по праздникамъ никого, кромѣ камеръ-пажей, безъ провожатаго домой не пускали. Это правило было очень

странное. Смѣшно было видѣть здороваго, почти взрослаго пажа въ сопровожденіи присланнаго за нимъ лакея, иногда какого-нибудь мальчика. Конечно, на улицѣ эти провожатые прогонялись, но выйти изъ корпуса одному было нельзя. Точно такъ же и вернуться надо было съ провожатымъ. Особыхъ шалостей у насъ не было, но взрослые пажи иногда, по праздникамъ, кутили въ кондитерской Амбіеля (на Невскомъ, близъ Армянской церкви); туда же часто завертывали камеръ-пажи, которые находили возможность довольно часто отлучаться изъ корпуса подъ предлогомъ, что ихъ требуютъ во дворецъ. Устраивалось такъ, что за ними пріѣзжали кареты, везли во дворецъ, тамъ они оказывались ненужны, но въ корпусъ возвращались уже поздно ночью, въ тѣхъ же каретахъ, а иногда и безъ каретъ. Возможность такихъ частыхъ отлучекъ вела къ тому, что камеръ-пажамъ нерѣдко приходилось оставаться въ классѣ на другой годъ, вслѣдствіе плохихъ успѣховъ въ наукахъ. Вообще же ученье шло очень хорошо и составъ учителей былъ удовлетворительный. Пажей, плохо учившихся, не переводили въ высшій классъ; а взрослыхъ, но малоуспѣшныхъ выпускали даже изъ 4-го класса офицерами въ армію. При мнѣ былъ такой выпускъ стариковъ изъ 4-го класса въ армейскіе части и, по слухамъ, тамъ ими были довольны; они даже считались лучшими офицерами, и нѣкоторыхъ потомъ перевели въ гвардію.

Изъ преподавателей особенно хорошъ былъ учитель исторіи въ старшихъ классахъ, Роговъ; у него учились хорошо и охотно. Учитель исторіи въ младшемъ и среднемъ классахъ былъ тоже недуренъ. Звали его Андрей Петровичъ Петунинъ. Онъ былъ довольно трусливъ, и забавою пажей среднихъ классовъ было—разспрашивать его о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II и Александра I. Петунинъ, отвѣчая на эти вопросы, видимо трусилъ, вертѣлся и все оглядывался на двери. Математику преподавалъ Анонскій, а физику Вольгемутъ, оба ничѣмъ особеннымъ не отличались. Въ старшихъ классахъ, кромѣ военныхъ наукъ, читали также «Дипломатію» и «Политическую экономію», оба предмета на французскомъ языкѣ. Политическую экономію читалъ Динокуръ, болѣе забавно, чѣмъ дѣльно. Я и до сихъ поръ помню тотъ наборъ фразъ, которыми начинался его курсъ.

До выпуска моего преподаваніе шло по-прежнему, и въ мое время реформы коснулись только внѣшней стороны корпуса и персонала воспитателей. Было это въ 1827 г., при чемъ между воспитанниками произошли безпорядки, что и составляетъ единственное для меня непріятное воспоминаніе о корпусѣ. Весною 1827 г. насъ перевели въ Петергофъ, въ Англійскій дворецъ, потому что зданіе корпуса должно было передѣлываться. Расписанные потолки, статуи и колонны велѣно было убрать и зданіе приспособить для учебнаго заведенія. Лѣто мы провели

въ Петергофѣ довольно мирно, но осенью начались неудовольствія. Было это уже въ октябрѣ; холодъ былъ страшный; во дворцѣ не было печей, а одни камины, которые нисколько не грѣли. Мы были очень стѣснены: послѣ нашего просторнаго сада намъ отвели около дворца маленькое пространство, за которое не позволяли выходить. Мы сидѣли въ комнатахъ въ шинеляхъ, такъ было холодно, и, понятно, всѣ роптали. Къ тому же кормить стали плохо. Директора не было: онъ оставался въ Петербургѣ. Однажды за обѣдомъ, показавшимся намъ плохимъ, мы подняли шумъ и гамъ, стали стучать ногами и кулаками по столамъ и бросать чѣмъ попало въ воспитателей. На пажескомъ языкѣ это называлось бунтомъ. Я помню, что такъ увлекся, что бросилъ большой кусокъ хлѣба прямо въ стоявшаго противъ насъ воспитателя Гюне. Шумъ и безпорядокъ продолжались цѣлые три дня, такъ что и классовъ не было. Пріѣхалъ Гогель и началось разбирательство. Трое признанныхъ главными виновниками: Князь Оболенскій, Веригинъ, а третьяго забылъ, были отданы въ солдаты; остальные отдѣлались болѣе легкими наказаніями. Меня изобличилъ Гюне, и я былъ лишенъ отпуска въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и потерялъ 40 балловъ изъ поведенія (поведеніе у насъ оцѣнивалось 100 баллами; у меня было 90). Этотъ комокъ хлѣба, ловко попавшій въ Гюне, и послѣдовавшее за тѣмъ опасеніе за свою участь составляютъ единственное непріятное воспоминаніе во всей моей корпусной жизни. Несмотря на продолжительность такъ-называемаго бунта, начальство обошлось безъ тѣлесныхъ наказаній, которыя вообще у насъ не употреблялись. Мы знали, что они могутъ быть, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не по волѣ корпусного начальства, даже не по приказанію директора, а по разрѣшенію какой-либо власти, выше стоящей.

27-го октября насъ перевели во вновь отдѣланное зданіе корпуса и многое въ нашей жизни измѣнилось. Вмѣсто жалованья намъ дали всю казенную одежду и бѣлье и казенную прислугу; вмѣсто сюртуковъ одѣли въ куртки, стали учить фронту и маршировкѣ тихимъ учебнымъ шагомъ, на что прежде почти не обращали вниманія, а въ слѣдующемъ году повели въ лагерь,—что то же до тѣхъ поръ не было. Зданіе корпуса было совершенно передѣлано. Гогель продолжалъ оставаться директоромъ. Онъ вышелъ только тогда, когда я уже былъ камеръ-пажемъ. На его мѣсто былъ назначенъ Кавелинъ. Остальной персоналъ воспитателей перемѣнился еще въ 1827 г.; много старыхъ офицеровъ было замѣнено новыми, болѣе молодыми. Капитанъ Гречъ, братъ извѣстнаго писателя, былъ назначенъ къ намъ ротнымъ командиромъ, но онъ скоро ушелъ на войну 1828 г.

Въ 1829 г. я былъ сдѣланъ камеръ-пажемъ, а 22-го августа 1830 г. выпущенъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ.

Передъ производствомъ моимъ въ офицеры, матушка моя хотѣла хлопотать, чтобы я былъ назначенъ въ 1-й баталіонъ полка. У нея было много знакомыхъ, и устроить это было нетрудно. Въ 1-мъ баталіонѣ офицеры получали 1.000 р. ассигнаціями сверхъ обыкновеннаго жалованья, и это было очень важно, такъ какъ состоянія у насъ никакого не имѣлось. Но я былъ всегда очень гордъ, и тогда мнѣ казалось унизительнымъ начинать службу съ просьбы о протекціи. Я упросилъ матушку ни о чемъ не хлопотать, и былъ назначенъ во 2-й баталіонъ, къ брату Александру. Полковымъ командиромъ былъ тогда Исленьевъ, но вскорѣ былъ вмѣсто него назначенъ Микулинъ, при которомъ, въ 1833 г., я былъ переведенъ въ 1-й баталіонъ, безъ всякихъ сторонникъ хлопотъ.

Въ 1834 г. я, уже въ чинѣ подпоручика, былъ командированъ въ Петергофъ, въ Конно-гренадерскій полкъ, для обученія людей пѣшему строю. Съ конно-гренадерскими офицерами я очень сошелся и жилъ тамъ отлично и покойно, пока разъ вечеромъ не узналъ отъ своихъ новыхъ товарищей, что къ нимъ въ полкъ пришло требованіе о назначеніи одного офицера въ командировку на Кавказъ, что изъ ихъ полка назначенъ Горголи и что въ каждый полкъ гвардіи пришло подобное же требованіе. Я всегда мечталъ о переводѣ на Кавказъ и потому сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ и явился къ полковому командиру Микулину. Оказалось, что отъ нашего полка уже назначенъ прапорщикъ Батюшковъ, и несмотря на то, что по правиламъ нужно было назначить одного изъ старшихъ субалтернъ-офицеровъ, а я былъ старше чиномъ Батюшкова, Микулинъ ни за что не хотѣлъ перемѣнить назначеніе.

При подобномъ случаѣ я считалъ возможнымъ прибѣгнуть и къ протекціи, а потому отъ Микулина побѣжалъ къ старшему полковнику Назимому, который меня очень любилъ. Назимовъ, имѣвшій большое вліяніе на полкового командира, видя мое горе не отказалъ мнѣ въ помощи, пошелъ тотчасъ же къ Микулину и въ тотъ же день все было передѣлано: вмѣсто Батюшкова назначенъ я, а учить конно-гренадеръ послали Челищева. Это было въ мартѣ 1835 г. Изъ другихъ полковъ гвардіи назначены были: отъ Коннаго—Головинъ, отъ Кирасирскаго—князь Барятинскій, отъ Финляндскаго—Жигмонтъ. Съ послѣднимъ мы согласились отправиться вмѣстѣ, и поѣхали на Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Ростовъ. Въ то время въ центральной Россіи былъ голодъ; особенно плохо было за Курскомъ къ Харькову; толпы народа встрѣчались на дорогѣ, обступали телѣгу и кричали: «Не денегъ, а хлѣба!»; дѣти и взрослые бѣжали за телѣгой и жалобно просили.

Хотя я принялъ всѣ мѣры, чтобы ѣхать сколь возможно удобнѣе, устроилъ себѣ сидѣнье въ родѣ креселъ, которое переносилось и при-

вязывалось къ переплету перекладной, но тѣмъ не менѣе пріѣхалъ въ Ставрополь не только голодный, но и очень усталый. Утромъ мы сейчасъ же явились къ командующему войсками генералу Вельяминову, который принялъ насъ очень ласково и въ тотъ же день велѣлъ обоимъ прійдти къ нему обѣдать. Генералъ жилъ тогда въ Ставрополѣ съ большою пышностью; каждый день у него обѣдало много офицеровъ и столъ былъ самый изысканный. Генералъ былъ большой гастрономъ, но хворалъ и почти ничего не могъ ѣсть, однако любилъ кормить своихъ гостей и любовался ихъ аппетитомъ. Попавъ на такой обѣдъ голоднымъ послѣ дороги, я не церемонился и подкладывалъ себѣ съ каждаго блюда очень исправно. Въ серединѣ обѣда, когда я съѣлъ цѣлую тарелку чего-то очень вкусного, какой-то соусъ съ мясомъ, генералъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Дражайшій (это было его обычное обращеніе), какъ ты думаешь, что ты сейчасъ ѣлъ?» Я отвѣтилъ, что кажется это были фазаны. Оказалось, что нѣтъ. Тогда я сказалъ, что вѣрно цыплята. Генералъ засмѣялся. «Нѣтъ, дражайшій, это были лягушки». Всѣ разсмѣялись, но я не сконфузясь отвѣтилъ, что лягушки, такъ лягушки, но онѣ такъ вкусны, что не откажусь и повторить это блюдо. Генералъ велѣлъ подать мнѣ еще и былъ очень доволенъ.

Меня назначили въ Тенгинскій полкъ, а Жигмонта въ Кабардинскій. Предполагалась экспедиція на восточный берегъ Чернаго моря, и отрядъ собирался около Ольгинскаго укрѣпленія, на рѣкѣ Абинѣ. Въ Тенгинскомъ полку я попалъ въ роту капитана Волынскаго. Это былъ старый, сѣдой, боевой кавказскій офицеръ. Въ ротѣ его я былъ недолго. Чтобы быть въ одномъ полку съ Жигмонтомъ, мнѣ удалось помѣняться съ лейбъ-гренадеромъ Казнаковымъ и перейти въ Кабардинскій полкъ. Когда, впослѣдствіи, я перешелъ въ Апшеронскій полкъ, то былъ въ одномъ чинѣ съ Волынскимъ и оба командовали баталіонами; потомъ я былъ уже командиромъ бригады, а Волынскій—все баталіоннымъ.

Для меня вышло очень удачно, что я перешелъ въ Кабардинскій полкъ, потому что тамъ оказалась вакансія ротнаго командира и мнѣ велѣли принять начальство надъ 2-ю карабинерною ротой. Вакансія эта открылась потому, что баталіонный командиръ, маіоръ Новицкій, былъ устраненъ отъ должности за то, что въ дѣлѣ струсилъ и былъ усмотрѣнъ подъ телѣгой. Ротный командиръ, капитанъ Баллашъ принялъ начальство надъ 2-мъ баталіономъ, а мнѣ дали его роту.

Въ моей ротѣ былъ только одинъ офицеръ, прапорщикъ Копановъ, изъ армянъ, очень глупый; но зато фельдфебель Алексадровъ былъ превосходный старый боевой кавказецъ. Отрядъ собрался около Ольгинскаго, и Вельяминовъ долженъ былъ самъ вести экспедицію. Мѣстность, гдѣ отрядъ стоялъ, была нездоровая, и я, отъ непривычки, сильно

заболѣлъ лихорадкой. Вельяминовъ, узнавъ объ этомъ, хотѣлъ не брать меня въ экспедицію и уговаривалъ остаться и лечиться. Конечно, я отказался. Не идти въ экспедицію и сдать другому мою роту — было выше моихъ силъ, и я, перемогаясь, выступилъ въ походъ. Дѣла моего товарища Жигмонта были не такъ хороши, какъ мои: ему вмѣстѣ съ другими офицерами его отряда было поручено дежурить у парома черезъ Абинъ, потомъ—черезъ Кубань, и наблюдать за переправой войскъ. Онъ началъ разсуждать, что пріѣхалъ изъ гвардіи вовсе не для того, чтобы быть на паромѣ, и тому подобный вздоръ. Конечно, это возбудило противъ него основательное неудовольствіе со стороны полкового командира Пирятинскаго (Ермоловскій, боевой офицеръ).

Еще до болѣзни моей, во время сборовъ въ экспедицію, мнѣ случалось ѣздить по сосѣднимъ мирнымъ ауламъ; завелось тамъ знакомство, и было иногда очень весело. Особенно любилъ я бывать въ аулѣ у мирнаго князя Абасъ-Турка, куда насъ, молодыхъ офицеровъ, привлекала красота трехъ его дочерей. Я помню, какъ ихъ звали: Хива, Хотейджи и Барагуель. Онѣ, принимая гостей, вышивали шелками. Наши объясненія шли пантоминами, но мы другъ друга конечно понимали, и время проходило весело.

Наконецъ, мы выступили въ экспедицію на лѣвый берегъ Кубани. Вельяминовъ шелъ съ нами, въ серединѣ отряда, гдѣ находились главныя силы и обозъ. Съ Вельяминовымъ шло 30 верблюдовъ, навьюченныхъ провизіей и принадлежностями для стола. Каждый день у него обѣдало десятка три или четыре офицеровъ изъ его свиты и изъ отрядныхъ. Мы подвигались медленно. Главныя силы и обозъ прошли въ первый день всего 5 верстъ ущельемъ; Вельяминовъ ѣхалъ въ дрожкахъ. Въ то же время, боковыя роты сдѣлали болѣе 10 верстъ горами, безпрерывно поднимаясь и спускаясь. Этотъ первый день показался очень труднымъ; моя рота весь день была на одномъ изъ флангов, и путешествіе пѣшкомъ по горамъ для больного лихорадкой было очень утомительно. Къ ночи люди должны были смѣняться, хотя немного отдохнуть и чего-нибудь поѣсть. Когда мы уже остановились на ночлегъ, вдругъ пріѣзжаетъ штабсъ-капитанъ Лабинцевъ, адъютантъ начальника нашей 20-й дивизіи, генерала Малиновскаго, и передаетъ мнѣ приказаніе идти съ моей ротой и разорить аулъ Ротоккибль. На вопросъ мой: да гдѣ же этотъ аулъ? Лабинцевъ только показалъ рукою направленіе и уѣхалъ, сказавъ, что пойдетъ съ 4-й ротой разорять другой аулъ. Положеніе мое было очень затруднительно; посовѣтоваться было не съ кѣмъ; офицеръ армянинъ былъ совсѣмъ безтолковъ, совѣтоваться же съ фельдфебелемъ было совѣстно. Я собралъ роту и пошелъ, въ темнотѣ, по направленію, указанному Лабинцевымъ. Долго шли мы ничего не видя передъ собой; наконецъ, впереди замелькали

огня аула и раздались одиночные выстрѣлы черкесовъ. Я еще неуспѣлъ сообразить, что нужно будетъ дѣлать и какъ распорядиться, какъ солдаты сдѣлали уже сами все, что нужно; образовалась цѣпь и началась перестрѣлка. Мы все шли впередъ. Передъ ауломъ оказался оврагъ и черезъ него высокій мостъ. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что черезъ мостъ идти нельзя, что перестрѣляютъ по одиночкѣ, и я скомандовалъ спуститься въ оврагъ и идти въ аулъ лощиной. Это было единственное распоряженіе, мною сдѣланное, но и безъ него, конечно, кавказскіе солдаты не пошли бы тамъ, гдѣ очевидно не слѣдовало идти. Скоро мы ворвались въ аулъ. Тутъ я потерялъ изъ вида своихъ солдатъ; при мнѣ осталось только три человѣка, всѣ остальные разсыпались по аулу. (Впослѣдствіи я узналъ, что по обычаю кавказскихъ войскъ къ начальнику, во время сраженія, всегда назначается конвой. Это и были, слѣдовательно, мои тѣлохранители, назначенные ко мнѣ безъ моего вѣдома). Со всѣхъ сторонъ гремѣли выстрѣлы. То здѣсь, то тамъ, солдаты стрѣляли пыжами въ соломенныя крыши и зажигали ихъ. Аулъ загорался въ разныхъ мѣстахъ и пламя все усиливалось. Среди криковъ и выстрѣловъ слышалось кудахтанье куръ. Можно было догадываться, что и съ ними шла война. Мнѣ пришло въ голову, что это не совсѣмъ ладно; вѣдь это мародерство, о которомъ учили въ корпусѣ, грабежъ имущества жителей, да еще во время сраженія. Аулъ, очищенный отъ черкесовъ, горѣлъ. Дѣло, очевидно, было окончено. Солдаты стали собираться вокругъ меня; началось отступленіе. Я не успѣлъ еще обдумать, какъ лучше распорядиться, а уже все сдѣлалось само собой. Отступленіе шло правильно, перекатными цѣпями — порядкомъ вполнѣ усвоеннымъ кавказскими солдатами, у которыхъ мнѣ, новичку, нужно было учиться, а не ихъ учить. Во время отступленія черкесы насѣдали, но всегда были отлично отбиваемы ружейнымъ огнемъ отходящихъ цѣпей, и мы благополучно вернулись къ тому мѣсту откуда пошли. Тутъ уже стояла рота, пришедшая на смѣну, а моей ротѣ предстояло присоединиться къ главнымъ силамъ отряда. Голодный и измученный отыскалъ я, наконецъ, нашу общую палатку. Жигмонтъ уже собирался лечь спать; ужина для меня не оказалось; я отказался ждать пока разогрѣютъ чайникъ и заварятъ чай, и завалился спать. Но черезъ нѣсколько времени меня разбудилъ денщикъ Жигмонта, говоря, что готовъ ужинъ. Я удивился. Какой ужинъ? откуда? Оказалось, что солдаты моей роты дѣлили добычу и что по извѣстному обыкновенію прислали долю ея и ротному командиру. Явились и куры, и баранина, и медъ, и творогъ. Ужинъ былъ роскошный, особливо для человѣка, весь день бывшаго на ногахъ и съ утра почти ничего не ѣвшаго. Замѣчательно, что съ этого дня лихорадка у меня прошла.

Походъ нашъ продолжался, и ежедневно шла перестрѣлка съ чер-

кесами. Цѣлью похода было установленіе связи между Ольгинскимъ укрѣпленіемъ до Кубани и Анапы, для чего предполагалось выстроить по дорогѣ новое укрѣпленіе. Черкесы нападали на насъ ежедневно, иногда въ большихъ силахъ, и тогда бывали жаркія дѣла. Почти въ концѣ экспедиціи, когда мы подошли къ такъ названной Гвардейской долинѣ, не далеко отъ рѣчки Чемисо - Миколойко, весь день шелъ бой, и тутъ сперва я былъ раненъ, а потомъ князь Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ). Было это 18-го августа. Не помню навѣрное происхожденіе названія «Гвардейская долина»; кажется, тутъ было дѣло еще при Ермоловѣ и какъ-то разъ было убито и ранено много гвардейскихъ офицеровъ.

Я былъ раненъ 18-го августа пулею въ лѣвую руку, выше локтя, съ раздробленіемъ кости. Выстрѣлъ данъ изъ винтовки, на самомъ близкомъ разстояніи. Рота моя была въ цѣпи, и кѣмъ-то неудачно расположена слишкомъ близко къ лѣсу, гдѣ засѣли горцы. Не помню, чья тутъ была ошибка, можетъ быть и моя.

Раненаго меня перенесли въ то мѣсто, гдѣ предполагалось, на рѣчкѣ Чемисо-Миколойко, построить новое Николаевское укрѣпленіе. Нашъ полковой докторъ, Кривецкій, отлично перевязалъ мнѣ руку и забинтовалъ въ лубки.

Надо сказать, что кромѣ главнаго начальника отряда, Вельяминова, съ нами былъ въ походѣ генералъ Малиновскій, начальникъ 20-й дивизіи. Оба они меня очень любили и приняли во мнѣ живѣйшее участіе. Малиновскій былъ оригиналъ, но прекраснѣйшій человѣкъ. Съ молоду онъ обучался на медицинскомъ факультетѣ, воображалъ себя большимъ знатокомъ медицины, а поэтому плохо приходилось врачамъ его дивизіи, которыхъ онъ постоянно находилъ случаи распекать. Когда Вельяминовъ узналъ, что я серьезно раненъ, онъ послалъ ко мнѣ отряднаго доктора, Земскаго, и поручилъ ему меня лечить. Это чуть меня не погубило. Руку мою, отлично забинтованную, этотъ Земскій опять разбинтовалъ, расковырялъ и потомъ, промучивъ меня понапрасну, перевязалъ гораздо хуже, чѣмъ это было сдѣлано Кривецкимъ. Потомъ онъ сталъ приставать ко мнѣ, что надо отрѣзать руку, вылущивъ ее въ плечѣ, и говорилъ, что иначе смерть неизбѣжна, такъ какъ начинается антоновъ огонь. Зная, что отъ этихъ операцій едва сотый остается въ живыхъ, я не соглашался, предпочитая умереть безъ ампутаціи.

Между тѣмъ отрядъ скоро долженъ былъ выступить въ обратный путь, а въ на-скоро построенномъ укрѣпленіи должна была остаться, въ качествѣ гарнизона, одна рота Навагинскаго полка и нѣсколько тяжело раненыхъ, въ томъ числѣ и я, которыхъ невозможно было везти. Передъ выступленіемъ Вельяминовъ приходилъ меня провѣдать и, вѣроятно, по просьбѣ Земскаго, долго убѣждалъ согласиться на ампута-

цію, говоря, что лѣвая рука не такъ нужна, что отлично можно жить и съ одной правой. Я молчалъ, не желая заводить безполезный споръ съ генераломъ, котораго очень любилъ. Послѣ его ухода явился Земскій съ инструментами, собираясь приступить къ своему дѣлу. Тогда я схватилъ изъ-подъ кровати ночную вазу и, замахнувшись на него, припугнулъ, что сейчасъ пущу ее ему въ голову, если онъ не уберется вонъ. Докторъ убѣжалъ, крича, что отказывается меня лечить, и, дѣйствительно, ко мнѣ больше не появлялся. При мнѣ былъ фельдшеръ, и на другой день я послалъ его за Кривецкимъ. Тотъ пришелъ сконфуженный, говоря, что меня поручили Земскому, что отрядный докторъ его начальникъ и что онъ не рѣшается взять меня на свои руки, опасаясь, какъ бы тотъ не обидѣлся. Это меня уже совсѣмъ разсердило и я послалъ Жигмонта и товарищей, зашедшихъ меня провѣдать, чтобы разсказали Малиновскому о поведеніи докторовъ. Конечно, добрый Малиновскій сейчасъ пришелъ, успокоилъ меня и привелъ все въ порядокъ. Онъ не только приказалъ Кривецкому меня лечить, но даже его, полкового доктора, оставилъ при мнѣ въ Николаевскомъ укрѣпленіи, хотя тамъ оставалось всего нѣсколько раненыхъ, а изъ нашего полка, кромѣ меня, было всего два солдата. Товарищи офицеры, мои петербургскіе знакомые, уходя съ отрядомъ, позаботились обо мнѣ сколько могли, оставили теплую одежду; Баранцевъ (впослѣдствіи графъ) далъ свою походную кровать. Прощаясь со мной Малиновскій говорилъ, что черезъ три мѣсяца придетъ въ укрѣпленіе съ провіантомъ и тогда возьметъ меня съ собой. Товарищи желали мнѣ скорѣе поправиться, но потомъ выяснилось, что и Малиновскій, и другіе знакомые все это говорили, чтобы меня утѣшить; прощаясь они не думали, что увидятся со мной, такъ какъ докторами я былъ приговоренъ къ смерти и считался безнадежнымъ.

Три мѣсяца, которые я пролежалъ въ палаткѣ въ Николаевскомъ укрѣпленіи, были по-истинѣ ужасны. Я уже не говорю о томъ, что укрѣпленіе было неудачно поставлено и вокругъ были высоты, до которыхъ не могли долетать пули изъ нашихъ ружей; горцы же, изъ своихъ винтовокъ, имѣли полную возможность обстрѣливать съ этихъ высотъ все укрѣпленіе. Моя палатка была въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлена пулями, но это меня не безпокоило; мое положеніе было таково, что оставалось лишь желать, чтобы черкесская пуля прекратила страданія, которыя я испытывалъ. Я лежалъ на спинѣ и не могъ пошевелиться; забинтованная рука лежала на подушкѣ; бѣлье мѣнять было невозможно, такъ какъ меня нельзя было двинуть съ мѣста. Покрытъ я былъ одѣяломъ на заячьемъ мѣху; въ немъ очень скоро завелись насѣкомыя, которыя и поселились у меня цѣлыми гнѣздами по всему тѣлу. Всюду у меня были пролежни и весь я былъ покрытъ струпьями. Хо-

лодно было страшно, а я былъ весь мокрый, потому что состоявшій при мнѣ фельдшеръ постоянно долженъ былъ, чтобы не давать развиться антонову огню, поливать мою руку какою-то жидкостью, и эта жидкость подтекала подъ меня. Я сознавалъ, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Докторъ Кривецкій, сколько могъ, за мною ухаживалъ и часто меня навѣщалъ. Я, какъ теперь, помню его фигуру въ халатѣ и съ трубкой. Считая, что я нахожусь въ почти безсознательномъ состояніи и ничего не слышу, онъ обыкновенно, входя ко мнѣ утромъ, спрашивалъ шопотомъ у фельдшера: «что? еще живъ?» Только сильная, молодая натура могла бороться со смертью при такомъ положеніи, и потомъ всѣ удивлялись, что я выжилъ. Удивился и Малиновскій, пріѣдя съ отрядомъ и привезя въ назначенное время провіантъ. Онъ рѣшилъ, что если я не умеръ, то надо меня доставить, во что бы то ни стало, въ Екатеринодаръ, за 120 верстъ. Были сдѣланы носилки въ видѣ паланкина и на нихъ поставили мою кровать. Несли меня солдаты. Уже не помню, сколько дней продолжалось это путешествіе. Трудно было переправлять меня черезъ горныя рѣчки, бывшія тогда въ разливѣ. Быстрое теченіе могло унести и носильщиковъ, и меня съ моимъ паланкиномъ. Приходилось выше переправы ставить ряды казаковъ на лошадяхъ и ими задерживать стремленіе воды. Когда меня несли уже нашими станицами, всѣ встрѣчные, видя наше шествіе, снимали шапки и крестились, принимая меня за покойника.

Въ Екатеринодарѣ, благодаря заботамъ добрѣйшаго Малиновскаго, меня положили не въ сухопутный госпиталь, а въ казачій, который былъ лучше устроенъ. Тамъ, наконецъ, меня обмыли и надѣли чистое бѣлье; но трудно было все это сдѣлать; часа три возились, чтобы переложить меня съ моей кровати на лазаретную. Всѣ обо мнѣ здѣсь очень заботились, и черезъ шесть недѣль я уже могъ выписаться.

Выйдя изъ госпиталя, я, еще не совсѣмъ оправившійся, переселился въ городъ, гдѣ всѣ меня очень любезно приняли. Но когда Малиновскій, вскорѣ послѣ того, переведенъ былъ въ Ставрополь, то и меня увезъ съ собою. Здоровье мое все же было слабо, и какъ только мнѣ былъ данъ отпускъ для окончательнаго излеченія, я отправился въ Петербургъ, торопясь повидаться съ матушкой, и нигдѣ дорогой не останавливался. Отъ Москвы до Петербурга пришлось мнѣ ѣхать въ пріятномъ обществѣ Евграфа Петровича Ковалевскаго (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), съ которымъ случайно познакомился на первой станціи за Москвой и который, заинтересовавшись моими разсказами о Кавказѣ, предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, въ его кибиткѣ. Я, конечно, согласился, и время до Петербурга прошло для меня незамѣтно въ разговорахъ съ этимъ весьма умнымъ человѣкомъ. Вѣроятно мы произвели другъ на друга хорошее впечатлѣніе, потому что Кова-

левскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, очень скоро меня разыскалъ, первый меня навѣстилъ и пригласилъ бывать у него.

Матушка ждала моего пріѣзда, и такъ какъ офицеру въ женскомъ институтѣ жить не полагалось, то просила полиціймейстера Смольнаго, барона Гейкинга, пріискать для меня меблированную комнату. Гейкингъ нашелъ таковую у булочника Вебера, поставлявшаго хлѣбъ для Смольнаго. Тутъ вышла неожиданная и забавная встрѣча. Годъ тому назадъ, до поѣздки на Кавказъ, мнѣ приглянулась одна продавщица въ булочной и дѣла мои шли довольно успѣшно. Потомъ, уѣхавъ на Кавказъ, я и забылъ про свою булочницу. Во время моего отсутствія она вышла замужъ и какъ разъ за Вебера, у котораго мнѣ наняли комнату. Само собою разумѣется, что жить мнѣ поэтому было недурно, и хозяйка была ко мнѣ очень любезна.

Въ Петербургъ я прибылъ весной. Доктора совѣтовали ѣхать лечиться за границу,—куда меня и отпустили, выдавъ годовое жалованье. Въ маѣ 1836 г. я двинулся въ путь. На пароходѣ я познакомился съ очень милымъ и образованнымъ семействомъ Сухово-Кобылиныхъ, состоявшемъ изъ матери и трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Елисавета Васильевна, была потомъ замужемъ за графомъ Сальясомъ и сдѣлалась извѣстною въ литературѣ подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ. Съ нами же ѣхалъ адъютантъ генерала Гурко, Львовъ, съ которымъ я и сговорился путешествовать вмѣстѣ. Такъ мы доѣхали до Травемюнда, а оттуда въ Берлинъ, гдѣ доктора должны были опредѣлить, на какія воды намъ отправиться. Вышло такъ, что съ Львовымъ мнѣ пришлось разстаться: его послали куда-то на Рейнъ, а меня въ Теплицъ. Зиму я провелъ у старшей сестры моей, бывшей замужемъ за барономъ Зассомъ, владѣльцемъ имѣнія Комальменъ въ Восточной Пруссіи; а слѣдующее лѣто (1837 г.)—опять въ Теплицѣ, а потомъ въ Баденъ-Баденѣ и Вильдбахѣ.

Въ Вильдбахѣ у меня вышла стычка съ нѣмцами. Тогда въ Германіи происходило политическое броженіе и публика была очень недовольна русскимъ правительствомъ, не поощрявшимъ революціонныя идеи, направленныя въ то время къ объединенію Германіи. За табльд'отомъ цѣлая компанія нѣмцевъ, прибывшихъ большею частью изъ Штутгардта, при мнѣ стала громко бранить Россію и императора Николая. Они знали, что я русскій и что хорошо понимаю нѣмецкій языкъ. Я счелъ это за наглость, которую нельзя оставить безъ наказанія и, подойдя къ ихъ компаніи, выругалъ какъ слѣдуетъ всѣхъ вообще, а почтмейстера Руфа въ особенности, такъ какъ онъ передъ всѣми ораторствовалъ. Въ заключеніе я имъ объявилъ, кто я, сказалъ адресъ и предложилъ дать удовлетвореніе Руфу или кому угодно изъ ихъ общества. Произошелъ общій конфузъ; нѣмцы примолкли, а я пошелъ до-

мой, ожидая, что ко мнѣ скоро появятся секунданты. Мужъ моей сестры, баронъ Зассъ, передъ моимъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ прекрасные пистолеты, и я былъ увѣренъ, что придется ихъ попробовать на нѣмцахъ. Жду день, два—нѣтъ секундантовъ. Между тѣмъ мнѣ нужно было ѣхать изъ Вильдбаха и я опасался, что нѣмцы послѣ станутъ еще разсказывать, что я уѣхалъ, чтобы не имѣть дуэли. Я отправился въ Баденъ-Баденъ, нашелъ тамъ адъютанта великаго князя Михаила Павловича, Шереметева, и моего знакомаго Желтухина и упросилъ ихъ поѣхать со мною въ Вильдбахъ, чтобъ кончить это дѣло. Когда Шереметевъ явился съ вызовомъ къ Руфу и другимъ его компаніонамъ, то всѣ они страшно перепугались и стали просить извиненія. Тѣмъ дѣло и кончилось. Исторія эта имѣла большую огласку, и когда черезъ нѣсколько времени я пріѣхалъ въ Штутгардтъ мнѣ говорилъ о ней нашъ посланникъ, прибавляя, что напрасно я прибылъ въ этотъ городъ, что нѣмцы, вернувшіеся изъ Вильдбаха, очень на меня злы. Я отвѣтилъ что это не бѣда, и если они здѣсь стали храбрѣе, то пусть стрѣляются со мной я не откажусь и теперь.

Въ эту поѣздку не съ одними нѣмцами у меня было столкновеніе. Мнѣ высылали жалованье изъ Россіи, но передъ отъѣздомъ изъ Франкфурта вышла какая-то задержка; нужно было ѣхать, а денегъ нѣтъ; писать и ждать мнѣ не хотѣлось и я отправился къ консулу, чтобы взять у него взаймы на дорогу. Консулъ не отказалъ и обѣщалъ выдать деньги на другой день; но когда я пришелъ получать, то его секретарь, Струве, отдавая мнѣ деньги, началъ говорить, что много здѣсь бываетъ офицеровъ и по нѣсколько разъ обращаются за деньгами. Неумѣстное замѣчаніе секретаря и его тонъ такъ меня вывели изъ себя, что я, возвысивъ голосъ, сказалъ ему: «Какъ ты смѣешь говорить подобнымъ образомъ съ русскимъ офицеромъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ!» Швырнулъ ему деньги въ лицо и ушелъ.

У меня никогда не было долговъ и я всегда избѣгалъ дѣлать займы; но на этотъ разъ пришлось нарушить свой обычай. Во Франкфуртѣ нашелся у меня хорошій знакомый, графъ Остерманъ, женатый на Волковой, и у него я взялъ денегъ на дорогу.

Проведя два года за границей я совсѣмъ поправился и, вернувшись въ Петербургъ въ свой (Преображенскій) полкъ, получилъ во временное командованіе 2-ю фузелерную роту, командиръ которой, Челищевъ, находился въ отпуску. Вскорѣ одинъ изъ ротныхъ командировъ, Потуловъ, получилъ повышеніе, и я принялъ отъ него 3-ю фузелерную роту 1-го баталіона, которымъ командовалъ прекрасный человѣкъ, Петръ Петровичъ Есиповъ. Съ нимъ я жилъ въ полномъ мирѣ и согласіи. Ротой своей я занимался съ увлеченіемъ и былъ ею очень доволенъ, и солдаты были довольны мною. Тогда солдаты были старые, сроки службы долгіе. Нужно

было понимать, что старыхъ, заслуженныхъ солдатъ не для чего учить по-долгу, это имъ надоѣдаетъ, и заднія шеренги невольно начинали скучать и дремать, отчего построенія дѣлались не такъ отчетливо. У меня была другая система: ученье я велъ быстро и оживленно. Всякія построенія дѣлалъ по разу, и солдаты знали, что если на ученьи будутъ внимательны и все будетъ дѣлаться хорошо и отчетливо, то и ученье кончится весьма быстро, а затѣмъ—иди домой съ пѣснями.

Я терпѣть не могъ тѣлесныхъ наказаній и никогда къ нимъ не прибѣгалъ иначе, какъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ могъ избавить солдата отъ кары еще бо́льшей, отъ судебной истомы и волокиты. Вскорѣ послѣ принятія мною роты былъ такой случай. Вернулся я вечеромъ въ казармы, и фельдфебель доложилъ мнѣ, что въ ротѣ не все благополучно. По его словамъ, рядовой Ѳедоръ Яковлевъ, будучи выпивши, оскорбилъ правящаго унтеръ-офицера Гаврилова. При этомъ фельдфебель прибавилъ, что Яковлевъ нрава строптиваго, характера дурного и часто замѣчался въ ослушаніи и грубости относительно старшихъ. Онъ уже распорядился посадить его подъ арестъ. На другой день я самъ разбиралъ дѣло при всей ротѣ. Мнѣ не достаточно было одного факта; я хотѣлъ выяснить обстоятельства, предшествовавшія этому нарушенію дисциплины. Я зналъ нашихъ солдатъ и въ мирное время, и на войнѣ, и докладъ фельдфебеля о строптивости и дурномъ характерѣ мнѣ сразу показался подозрительнымъ. Что-нибудь да не то! Такъ и вышло. Оказалось, что правящій, Гавриловъ, при содѣйствіи Яковлева, затаилъ ротныя деньги, о чемъ, вѣроятно, зналъ и фельдфебель. При дѣлежѣ оба выпили и вышла ссора. Мнѣ было жаль предавать ихъ суду; это повело бы къ лишенію нашивокъ и правъ, пріобрѣтенныхъ долговременной службой, а наказать слѣдовало строго—главное за утайку ротныхъ денегъ, такъ какъ, при такой гадости, происшедшая затѣмъ ссора, сама по себѣ, теряла въ моихъ глазахъ всякое значеніе. Я и распорядился: при всей ротѣ дать Яковлеву 100 розогъ; затѣмъ отпустилъ такую же порцію правящему Гаврилову, но уже въ присутствіи однихъ унтеръ-офицеровъ. Всѣ затаенныя деньги вычелъ у фельдфебеля изъ жалованья и возвратилъ въ ротную артель. Гаврилова даже не лишилъ его званія; ему и служить-то оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ; правящимъ онъ оставался номинально, а должность эту я, на дѣлѣ, поручилъ другому унтеръ-офицеру, Доронкину. Рота была въ восторгѣ отъ такого рѣшенія, говорили: «ротный разобралъ по правдѣ; наказалъ кого слѣдуетъ, и несчастнымъ никого не сдѣлалъ». Уже потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, былъ я проѣздомъ въ Петербургѣ; вдругъ мнѣ докладываютъ: «отставной преображенскій унтеръ-офицеръ пришелъ и очень желаетъ васъ видѣть». Я вышелъ. Смотрю—Яковлевъ. Онъ пришелъ, чтобы еще разъ поблагодарить за то, что я тогда не от-

далъ его подъ судъ и не сдѣлалъ несчастнымъ. «Не видать бы мнѣ этихъ галуновъ!» повторилъ онъ со слезами. Само собою разумѣется, что я поступилъ такъ только потому, что зналъ баталіоннаго командира за порядочнаго человѣка, смотрѣвшаго на дѣло одинаково со мною.

Есиповъ довольно скоро былъ произведенъ въ генералы, и на его мѣсто поступилъ Глуховъ. Это былъ представитель мирныхъ службистовъ того времени, т. е. именно человѣкъ такого рода, котораго я никогда переносить не могъ. У насъ сейчасъ пошли столкновенія. Первая стычка произошла по поводу одного солдата моей роты, котораго я за какую-то пустячную провинность наказалъ, по мнѣнію Глухова, слишкомъ слабо. Онъ сталъ требовать вторичнаго наказанія, но я наотрѣзъ отказался, заявивъ, что пусть онъ самъ распоряжается какъ угодно, если хочетъ подрывать авторитетъ ротнаго командира. Глуховъ на этотъ разъ отвязался, но сталъ придираться къ моей ротѣ на каждомъ ученьи. Это повело, наконецъ, къ объясненію съ нимъ съ глазу на глазъ, при чемъ я высказалъ ему все, что хотѣлъ высказать, я кончилъ разговоръ заявленіемъ, что болѣе служить съ нимъ не намѣренъ. Въ тотъ же день я подалъ рапортъ съ просьбою о переводѣ въ одинъ изъ полковъ кавказскаго корпуса, наиболѣе участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Валеріана Александровича Бельгарда [1].

II.

Переходъ на службу на Кавказъ.—Апшеронскій полкъ.—Тогдашнее вооруженіе Кавказской арміи.—Полковникъ Симборскій.—Экспедиція въ Чечню.—Генералъ Голофѣевъ.—Бой съ горцами у ауловъ Капчугай и Ишкарты.—Новая рана.—Штурмъ аула Гимры.—Отъѣздъ въ Тифлисъ.—Шемаха.—Главнокомандующій генералъ Головинъ.

Въ началѣ 1839 года я изъ штабсъ-капитановъ Преображенскаго полка былъ переведенъ маіоромъ въ Апшеронскій полкъ, который стоялъ тогда близъ Темиръ-ханъ-Шуры. Но я поѣхалъ не прямо туда, а въ Тифлисъ, гдѣ нѣкоторое время и задержался. Въ Тифлисѣ жило много моихъ знакомыхъ и товарищей; тамъ же находился бывшій адъютантъ моего отца, а въ это время уже бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Симборскій. Въ Тифлисѣ жилось весело, и мнѣ пришло въ голову, что хорошо бы перейти въ одинъ изъ гренадерскихъ полковъ бригады Симборскаго, который встрѣтилъ меня такъ любезно, все вспоминалъ о моемъ отцѣ и высказывалъ большое расположеніе ко всей нашей семьѣ. Самъ онъ не разъ заговаривалъ со мною о томъ, что не лучше ли мнѣ служить въ его бригадѣ; но потомъ, когда я

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1899 г.

выразилъ намѣреніе къ нему перейти, вдругъ почему-то сталъ встрѣчать затрудненія и совѣтовалъ сперва послужить въ Апшеронскомъ полку, и уже современемъ переходить въ гренадерскую дивизію. Дѣло было въ томъ, какъ я впослѣдствіи догадался, что братъ его долженъ былъ получить Апшеронскій полкъ, и генералъ Симборскій находилъ удобнымъ, чтобы я тамъ оставался, дабы у братца былъ хоть одинъ знакомый баталіонный командиръ.

Двуличное поведеніе Симборскаго меня очень разсердило, и я рѣшился сейчасъ же уѣхать въ Темиръ-ханъ-Шуру. Одно было досадно — денегъ было въ ту минуту совсѣмъ мало, а къ тому-же Симборскому обращаться за ними не хотѣлось. Судьба вывела меня изъ этого затрудненія. Я никогда не игралъ въ азартныя игры, но какъ разъ въ день моего разговора съ Симборскимъ, меня вечеромъ какъ-то уговорили играть, и я выигралъ десятка полтора или два червонцевъ. На другой же день я уѣхалъ въ Темиръ-ханъ-Шуру. Тамъ начальствовалъ войсками немолодой уже генералъ Клюки-фонъ-Клугенау. Это былъ почтенный, всѣми уважаемый человѣкъ и опытный кавказецъ. При первомъ же представленіи онъ принялъ меня очень любезно, и хорошія его отношенія ко мнѣ сохранились во все время моей службы подъ его начальствомъ.

Апшеронскій полкъ, незадолго передъ тѣмъ ходившій въ экспедицію на аулъ Ахульго, былъ въ очень слабомъ составѣ и только въ это время сталъ пополняться. Особенно былъ великъ недостатокъ въ офицерахъ. Я сейчасъ же долженъ былъ вступить въ командованіе 1-мъ баталіономъ. Полковымъ командиромъ былъ полковникъ Поповъ, человѣкъ недурной; между баталіонными были старые, заслуженные, кавказскіе офицеры: 3-мъ, стоявшимъ въ Казанищахъ, командовалъ Огіевскій; 2-мъ—подполковникъ Вагнеръ, бывшій дерптскій студентъ, человѣкъ замѣчательно храбрый, но любившій выпить, и во хмѣлю былъ не хорошъ. Мнѣ говорили, что разъ, въ пьяномъ видѣ, онъ застрѣлилъ своего денщика, но что это дѣло замяли, во вниманіе къ его боевымъ заслугамъ. Адъютантъ у генерала Клугенау былъ въ то время Евдокимовъ, впослѣдствіи сдѣланный графомъ, а родной его братъ командовалъ ротой въ моемъ баталіонѣ. Этого послѣдняго я очень полюбилъ; онъ былъ отличный офицеръ, гораздо высшихъ нравственныхъ качествъ, чѣмъ его прославленный впослѣдствіи братъ. Я не отрицаю и въ томъ храбрости, ума и распорядительности; но онъ всегда былъ мнѣ антипатиченъ вслѣдствіе его жадности къ деньгамъ. Сколько разъ при мнѣ онъ съ поразительною откровенностью говорилъ: «хоть бы мнѣ когда нибудь получить конно-воловій транспортъ,—больше мнѣ ничего не нужно». — На этихъ транспортахъ командиры ихъ наживались. — Не отрицая заслугъ его при покореніи Кавказа, я долженъ ска-

зать, что это покореніе могло послѣдовать гораздо раньше. Кавказъ покорили нарѣзныя ружья, введенныя въ тамошнія войска только послѣ Севастопольскаго урока. Въ сороковыхъ же годахъ наше оружіе было ужасно плохо. Это были гладко-ствольныя кремневыя ружья, которыми стрѣлять далѣе чѣмъ на сто шаговъ было безполезно: между тѣмъ горцы были вооружены винтовками, бившими болѣе чѣмъ вдвое дальше. Позднѣе намъ дали по нѣсколько штуцеровъ на баталіонъ, тогда какъ нужно было всѣ войска вооружить штуцерами, и тогда кавказская война давно была бы окончена. Жаль было смотрѣть на кавказскихъ солдатъ;—лучшее въ мірѣ войско и вооруженное неизмѣримо хуже, чѣмъ тѣ дикари, съ которыми велась война!

Довольно скоро послѣ вступленія моего въ командованіе 1-мъ баталіономъ послѣдовала смѣна полкового командира. Былъ назначенъ къ намъ Симборскій, который въ военныхъ дѣйствіяхъ никогда неучаствовалъ и, до полученія полка, занималъ разныя мирныя должности. Этимъ назначеніемъ достигнутымъ благодаря протекціи, всѣ въ полку были очень недовольны.

Симборскій, принимая полкъ, разсчитывалъ на мою помощь. Ему очень хотѣлось поприжать Попова; но самъ онъ этого сдѣлать не умѣлъ, а я, конечно, помогать ему въ этомъ отказался. Этотъ отказъ послужилъ началомъ нашихъ холодныхъ отношеній. Клюки-фонъ-Клугенау очень хорошо понималъ, что Симборскій для войны не годенъ, а потому онъ его никуда и не посылалъ; Апшеронскіе баталіоны ходили въ дѣла каждый отдѣльно, или по два вмѣстѣ, а полковой командиръ сидѣлъ въ Темиръ-ханъ-Шурѣ съ денежнымъ ящикомъ и занимался только хозяйствомъ.

Зимой (1839—40 г. г.) мой баталіонъ съ двумя орудіями былъ двинутъ прямой дорогой черезъ Грозную и Внезапную на помощь Куринцамъ, такъ какъ волненіе начало охватывать всю Чечню. Мой баталіонъ долженъ былъ войти въ составъ отряда генерала Пулло. Имѣлось въ виду занять Герзель-аулъ и строить тамъ укрѣпленіе. Въ виду похода я долженъ былъ озаботиться составомъ своихъ офицеровъ. Одинъ ротный командиръ былъ у меня надежный, это — Евдокимовъ; другой ротой командовалъ Ждановъ, старый капитанъ изъ фельдфебелей Въ остальныхъ ротахъ были только молодые офицеры. Я поступилъ рѣшительно. Въ полку было два офицера, уже не молодые и бывалые: Дуровъ и Бурмистръ-Родошковскій. Оба были кутилы и такъ себя вели, что ротъ имъ не давали и всѣ баталіонные командиры отъ нихъ отказывались. Они не хотѣли или просто не умѣли имѣть на этихъ офицеровъ нравственное вліяніе; оба названные офицера дошли до совершеннаго упадка духа и дѣйствительно вели себя такъ, что стали непригодными для службы. При недостаткѣ въ офицерахъ, я рѣшился

попробовать, не удастся ли мнѣ съ ними справиться и ихъ нравственно поднять. Я позвалъ обоихъ къ себѣ, долго съ ними говорилъ, представлялъ имъ всю невыгодность ихъ положенія и невозможность ихъ поведенія и предложилъ имъ, что я возьму ихъ къ себѣ ротными командирами и дамъ возможность поправить ихъ репутацію, если они дадутъ мнѣ слово перемѣниться и во всемъ меня слушаться. Разговоръ этотъ имѣлъ отличное дѣйствіе. Оба со слезами благодарили меня, обѣщая исправиться, и дѣйствительно исполнили данное обѣщаніе. Во все время моего командованія баталіономъ они были отличными ротными командирами и впослѣдствіи молодцами вели свои роты на штурмъ аула Гимры.

Первое мое движеніе съ баталіономъ было не особенно легкимъ. Прямая дорога шла черезъ лѣсъ, и на первомъ же переходѣ при одной изъ ротъ не оказалось ея командира Жданова; онъ по пути куда то зашелъ и, при выступленіи, его не могли отыскать. Догналъ онъ роту уже на привалѣ, проскакавъ верхомъ по такой дорогѣ, гдѣ баталіонъ только что прошелъ со всѣми военными предосторожностями.—Нужно было сразу показать примѣръ. Я арестовалъ Жданова и вёлъ пѣшкомъ при баталіонномъ ящикѣ; а на второмъ переходѣ началось дежурство, затѣмъ начались побѣги солдатъ-поляковъ, которыхъ въ баталіонѣ было множество. Надо было и это какъ-нибудь прекратить. Когда уже нѣсколько человѣкъ бѣжало, я оповѣстилъ по сосѣднимъ полумирнымъ ауламъ, что даю 10 руб. награды за приведеннаго бѣглаго. Ко мнѣ привели двухъ поляковъ моего баталіона, и я ихъ отдалъ на судъ солдатъ, сказавъ напередъ краткую, но сильную рѣчь о томъ, что побѣги марaютъ честь лучшаго полка кавказскихъ войскъ. Солдаты были въ полномъ негодованіи, и виновные были сильно наказаны. Это былъ судъ не начальства, а товарищей и на остальныхъ поляковъ произвелъ такое впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ ни одного побѣга не было.

Послѣ занятія Герзель-аула отрядъ генерала Пулло былъ распущенъ, а я на всю зиму былъ оставленъ со своимъ баталіономъ на Кумыкской площади, близъ Качкалыковскаго хребта для того, чтобы рубить лѣсъ и возить его въ строющееся укрѣпленіе. Со мною былъ войсковой старшина Алпатовъ съ казаками и 1000 паро-воловьихъ арбъ, собранныхъ отъ нагайцевъ, надъ которыми Алпатовъ былъ приставомъ. Зима была трудная: нагайцы гибли отъ недостатка провіанта и подчасъ ѣли одну траву.—Горцы сколько могли мѣшали рубкѣ лѣса и перевозкѣ его въ Герзель-аулъ. Роты мои каждый день, поочередно, ходили въ лѣсъ, на рубку, и каждый день шла перестрѣлка съ абреками, предводители которыхъ были извѣстные въ горахъ рыцари, настоящіе джигиты. Я помню ихъ имена. Это были: Джаватъ-ханъ, Шуанбъ-Мулла,

Уздемиръ, Ахверды-Магома. Впослѣдствіи ихъ всѣхъ, одного за другимъ, погубилъ Шамиль, добиваясь объединенія всѣхъ горскихъ племенъ подъ своею властью.—Въ отвѣтъ на ихъ набѣги, и мнѣ приходилось отвѣчать тѣмъ же. Случалось отбивать много скота, особливо барановъ, которыми мы и питались.

Весною, на подкрѣпленіе мнѣ прислали сперва два баталіона нашего полка, а потомъ началъ уже стягиваться весь отрядъ. Одинъ разъ мой баталіонъ съ баталіономъ Вагнера ходили въ экспедицію, съ цѣлью захватить непріятельскій скотъ, спущенный съ горъ пастись на Кумыкской плоскости. Отбили мы большое стадо; но при отступленіи было жаркое дѣло, и изъ баталіона Вагнера не всѣ убитые были вынесены. Двухъ солдатъ не досчитались. Зная, что въ кавказскихъ войскахъ не принято оставлять тѣла убитыхъ въ рукахъ непріятеля и видя, что это обстоятельство производитъ дурное впечатлѣніе, я отъ своего баталіона послалъ ночью команду съ офицеромъ въ лѣсъ. Тѣла были найдены и принесены. Это доставило мнѣ большую популярность и въ другихъ баталіонахъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда отрядъ собрался, прибылъ новый начальникъ дивизіи, генералъ Голофѣевъ. Это былъ человѣкъ неопытный и непріятный. Назначенъ онъ былъ по протекціи военнаго министра, князя Чернышева, при которомъ прежде чѣмъ то состоялъ. Мнѣ онъ съ перваго разу не понравился своею безцеремонностью, чтобы не сказать болѣе. Вотъ тому примѣръ: зиму я жилъ въ двухъ калмыцкихъ кибиткахъ, которыя для меня досталъ Алпатовъ; въ одной была моя спальня, а въ другой столовая; къ приходу отряда и отряднаго штаба, я, изъ своихъ небогатыхъ средствъ, приготовилъ ужинъ, разсчитывая угостить имъ своихъ хорошихъ знакомыхъ разныхъ полковъ. Что же вышло? Голофѣевъ, не спрашивая, чья кибитка и для кого изготовленъ ужинъ, занялъ мое помѣщеніе, а ужинъ съѣлъ и меня даже не позвалъ. Кибитками же такъ и завладѣлъ, точно у непріятеля ихъ отбилъ.

Голофѣевъ человѣкъ былъ не только неопытный, но и совсѣмъ вздорный. Имѣя большой отрядъ въ 15 баталіоновъ, онъ ничего не дѣлалъ. Время проходило: посылались лишь мелкіе отряды на поиски и то больше для добычи провіанта. Горцы понимали, что имѣютъ дѣло съ неспособнымъ предводителемъ и смѣлость ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалась. Въ глазахъ у отряда они сдѣлали дерзкое нападеніе на аулъ Энгель-Юртъ, расположенный на Кумыкской плоскости, и всѣхъ жителей съ ихъ имуществомъ увели въ горы. Голофѣевъ и тутъ не съумѣлъ распорядиться. Когда заслышалась перестрѣлка въ сторонѣ аула, нужно было сейчасъ двинуть часть отряда на перерѣзъ горцамъ, чтобы загородить имъ путь къ переправѣ черезъ рѣку Койсу; но онъ

медлилъ, не слушалъ совѣтовъ опытныхъ офицеровъ, посылалъ узнавать о причинахъ тревоги, и тогда уже двинулся на выручку мирнаго аула, когда было поздно.

Послѣ разгрома Энгель-Юрта Голофѣевъ сталъ осторожнѣе; каждую ночь сталъ посылать мой баталіонъ въ засаду и усилилъ казачьи посты. Баталіонъ мой несъ тяжелую службу, и мнѣ казалось, что Голофѣевъ вымещаетъ на немъ свое нерасположеніе ко мнѣ, которое, впрочемъ, было совершенно понятно, такъ какъ я въ разговорахъ не стѣсняясь осуждалъ его дѣйствія и говорилъ, по моему обыкновенію, очень рѣзко. Разъ зоветъ меня къ себѣ начальникъ штаба, Россиліонъ и передаетъ мнѣ приказаніе идти на фуражировку и добыть для отряда барановъ. Тутъ я уже окончательно разсердился и объяснилъ Россиліону, для доклада генералу, что мои люди совсѣмъ измучены и что несправедливо всю тяжесть службы возлагать на одинъ баталіонъ изъ пятнадцати. При этомъ я заявилъ, что самъ считаю себя обязаннымъ идти, когда и куда прикажутъ, но пойду не иначе какъ со сводным отрядомъ изъ всѣхъ баталіоновъ, а мой нуждается хотя въ небольшомъ отдыхѣ. Я говорилъ такъ рѣшительно, что удалось настоять на своемъ, и въ отрядъ мой вошло по одной ротѣ съ каждаго баталіона. Набѣгъ удался вполнѣ, и я пригналъ большое стадо барановъ.

Голофѣевъ продолжалъ бездѣйствовать, а между тѣмъ Шамиль, видя съ кѣмъ имѣетъ дѣло, сталъ собирать силы для набѣга на Темиръ-ханъ-Шуру. Клюки-фонъ-Клугенау, недовольный Голофѣевымъ, требовалъ отъ него войскъ для защиты Темиръ-ханъ-Шуры, но тотъ медлилъ, и наконецъ рѣшился идти секретно, кружными путями, не смѣя идти прямой дорогой черезъ лѣсъ, гдѣ я шелъ осенью съ однимъ баталіономъ.

При этомъ движеніи, я съ моимъ баталіономъ долженъ былъ идти въ аріергардѣ, что въ кавказской войнѣ, во время отступленія, было самымъ труднымъ и опаснымъ дѣломъ. Я назначеніемъ этимъ былъ доволенъ Когда отступленіе началось, горцы со всѣхъ сторонъ стали напирать на меня, но баталіонъ отходилъ стройно, перекатными цѣпями и успѣшно отбивалъ всѣ покушенія непріятеля бросаться въ атаку. Мнѣ нездоровилось, у меня была лихорадка, но обыкновенно въ дѣлѣ она у меня проходила, или я о ней забывалъ, и въ этотъ первый день отступленія все время былъ верхомъ, при отступающихъ цѣпяхъ. Вдругъ ко мнѣ подъѣзжаетъ адъютантъ и говоритъ, что генералъ меня требуетъ. Скачу назадъ къ моимъ резервнымъ ротамъ, и тутъ генералъ на меня накидывается со словами: «Господинъ маіоръ, гдѣ ваше мѣсто?—вы не знаете своего мѣста!.. развѣ ваше мѣсто въ цѣпи? вы должны быть при колоннѣ!»—Это меня взорвало, и я рѣзко отвѣтилъ ему, что «знаю очень хорошо, гдѣ мое мѣсто; мѣсто начальника аріергарда тамъ, гдѣ онъ на-

ходить свое присутствіе нужнымъ».—Голофѣевъ должно быть догадался, что сказалъ глупость и набросился на меня уже съ другой стороны. «Почему у васъ въ баталіонѣ такъ много больныхъ?» закричалъ онъ на меня. Я тоже возвысивъ голосъ отвѣчалъ, что у меня больныхъ не больше тѣмъ въ другихъ баталіонахъ, несмотря на то, что мой баталіонъ неизвѣстно почему несъ службу въ десятеро больше, чѣмъ другіе. — Голофѣевъ на это закричалъ: «не извольте разсуждать г-нъ маіоръ! извольте молчать, когда вамъ дѣлаютъ замѣчанія!» — Дѣлать нечего, я замолчалъ, держа руку подъ козырекъ; но вечеромъ, когда мы остановились на ночлегъ, подалъ рапортъ о болѣзни. Голофѣевъ прислалъ ко мнѣ Россиліона, уговаривать продолжать командованіе аріергардомъ, обѣщая за то представить меня къ наградѣ за всѣ дѣйствія мои на Кумыкской плоскости; но я наотрѣзъ отвѣчалъ, что когда боленъ, то боленъ, и никакія представленія меня не могутъ сдѣлать здоровымъ.

Въ это время Алпатовъ отправлялся изъ отряда въ Шуру прямою дорогой (по которой не рѣшался идти Голофѣевъ), съ небольшимъ конвоемъ казаковъ. Я поѣхалъ съ нимъ, взявъ съ собою юнкера Ковалевскаго, изъ моего баталіона. Не торопясь пріѣхали мы въ Шуру. Я, въ качествѣ больного, никому не являлся. Клюки-фонъ-Клугенау узналъ о моемъ прибытіи и, не видя меня, самъ зашелъ узнать, что со мной? Я сталъ говорить, что боленъ, но онъ не повѣрилъ и сказалъ, что вѣрно я поссорился съ Голофѣевымъ. Пришлось разсказать, какъ было дѣло. Клугенау очень меня любилъ и потому съ досадой сталъ говорить со своимъ нѣмецкимъ акцентомъ: «Ахъ это; и зачѣмъ вы уѣхали?» — потомъ сталъ мнѣ совѣтовать, что бы я поѣхалъ къ двумъ ротамъ моего баталіона, которые, по донесенію Голофѣева, были высланы на переправу черезъ Койсу. «Вотъ я прекрасно, говорилъ онъ, — подъѣзжайте къ своимъ ротамъ, и будете подъ моимъ начальствомъ, а не у Голофѣева».—Я, конечно, и самъ былъ радъ окончить такимъ образомъ весь этотъ инцидентъ, а потому, взявъ съ собою Ковалевскаго, отправился на другой же день къ тому мѣсту на Койсу, гдѣ, по словамъ Клугенау, должны были стоять мои двѣ роты.

Я ѣхалъ не торопясь; погода стояла прекрасная. У Ковалевскаго было охотничье ружье, и мы всю дорогу стрѣляли фазановъ и дикихъ голубей. Когда мы отъѣхали болѣе половины дороги, насъ догналъ посланный отъ Клугенау съ запиской, заключавшей приказаніе вернуться въ Шуру, гдѣ я буду нуженъ. Поворотивъ назадъ, я въ тотъ же день прибылъ въ аулъ Капчугай, лежавшій на половинѣ пути. Хозяинъ, у котораго я останавливался, казался очень озабоченнымъ и, провожая меня, все говорилъ, что они очень боятся набѣга Шамиля. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ аула, я увидѣлъ въ сторонѣ какую то

конницу. Долго мы присматривались къ ней; но бывшіе при мнѣ казаки увѣряли, что это должно быть всадники Шамхала Тарковскаго—и мы беззаботно продолжали путь. Потомъ уже оказалось, что видѣнная нами, въ какой нибудь верстѣ отъ насъ, конница были черкесы, шедшіе въ Капчугай, который они и захватили черезъ часъ или два послѣ моего выѣзда оттуда. — Между тѣмъ, гонецъ изъ Капчугая вѣроятно обогналъ насъ, потому что когда я пріѣхалъ въ Шуру и тотчасъ же явился къ Клугенау, то онъ меня встрѣтилъ словами: —«Это знаете-ли Капчугай взятъ».—«Какъ, говорю, взятъ?—я сегодня ночевалъ тамъ».—«Я вамъ это говорю, взятъ!» закричалъ Клугенау, и тутъ же приказалъ мнѣ идти выбивать оттуда горцевъ, для чего взять единственныя бывшія на-лицо двѣ роты 5-го (резервнаго) баталіона Апшеронскаго полка. Болѣе войскъ въ Шурѣ не было. Самъ Клугенау сталъ отовсюду собирать солдатъ разныхъ полковъ: изъ лазаретовъ, съ огородовъ, изъ шваленъ, и такимъ образомъ успѣлъ въ одинъ день сформировать 5 сводныхъ ротъ. Съ ними онъ отправился вслѣдъ за мной. Артиллеріи совсѣмъ не было; но я взялъ съ собою какую то старую, давно брошенную пушку, наскоро поставивъ ее на лафетъ.

Вечеромъ я, съ моими двумя ротами, уже выгналъ непріятеля изъ Капчугая. Горцы было поражены быстрымъ появленіемъ пѣхоты съ артиллеріею,—чего они никакъ не ожидали, потому что Шамиль, ведя ихъ въ набѣгъ, увѣрялъ, что не только до Шуры, но до Кизляра и Дербента войскъ нѣтъ, а всѣ наши боевыя силы у Голофѣева, что отчасти было вѣрно. Я такъ скоро подошелъ къ Капчугаю, что горцы еще не успѣли вполнѣ имъ овладѣть, и въ серединѣ аула, въ бекскомъ домѣ еще оборонялся аульный старшина съ нѣсколькими десятками преданныхъ намъ жителей. Они бились на смерть, зная что имъ пощады отъ Шамиля не будетъ, и не ожидали, что помощь придетъ такъ скоро.

Въ Капчугай собралось все, что могъ взять Клугенау, т. е. 7 ротъ (двѣ, которыя были со мною, да пять сборныхъ), Шамхалъ-Тарковскій Ахметъ-ханъ со своей конной милиціей и нѣсколько казаковъ. Съ этимъ отрядомъ Клугенау двинулся къ аулу Ишкарты, намѣревась не допустить туда противника. Шамхалъ Тарковскій успѣлъ было занять этотъ аулъ, но вскорѣ былъ оттуда вытѣсненъ. Тогда Клугенау послалъ меня съ двумя ротами выбивать горцевъ, что я быстро исполнилъ; но только что успѣлъ распорядиться разстановкою стрѣлковыхъ цѣпей для защиты аула, какъ потребовали меня къ генералу. Я поскакалъ. Въ чемъ дѣло?—Оказалось, что на лѣвомъ флангѣ горцы оттѣснили одну изъ сводныхъ ротъ и захватили единственный водопой отряда. Клугенау я засталъ не въ духѣ; онъ жаловался мнѣ на своихъ помощниковъ—офицеровъ, случайно набранныхъ въ Шурѣ, и послалъ меня же опять отбивать водопой. Только что я это исполнилъ и подъѣхалъ къ генс-

ралу съ докладомъ, какъ онъ мнѣ указалъ на тотъ берегъ оврага, отдѣлявшаго насъ отъ аула, и съ ужасомъ говоритъ: «смотрите, что ваши дѣлаютъ! они отступаютъ!»—«Меня тамъ нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я; вы сами меня оттуда вызвали. Если-бъ я былъ тамъ, они бы не отступили».—«Поѣзжайте, возьмите опять Ишкарты», сказалъ мнѣ Клугенау. Я опять поскакалъ къ моимъ двумъ ротамъ, вытѣсненнымъ изъ аула; но исполнить приказаніе генерала было теперь уже не такъ легко, такъ какъ горцы заняли Ишкарты большими силами.

Ободривъ и устроивъ отступавшія роты, я повелъ ихъ на аулъ, ворвался въ него и занялъ лежавшій по срединѣ селенія бекскій домъ. Но далѣе идти было невозможно, такъ какъ непріятельскія толпы все усиливались. Наконецъ мнѣ самому пришлось подумать объ отступленіи; но теперь и отступить было мудрено. Я съ одной ротой находился на дворѣ бекскаго дома; другая же рота была разсыпана по сосѣднимъ саклямъ. Горцы охватили меня со всѣхъ сторонъ. Подъ стѣной, окружавшей бекскій дворъ, сидѣли притаившись мюриды съ винтовками на готовѣ. Солдаты, черезъ стѣны, перебрасывались съ ними каменьями. Выходовъ было только два: узкая калитка, ведшая къ оврагу, и широкія запертыя ворота, выходившія на улицу, покрытую толпами горцевъ, которые сплотились и ждали сигнала, чтобы броситься на штурмъ.

Осмотрѣвъ мѣстность я убѣдился, что отступать по узенькой тропинкѣ, ведшей отъ калитки въ оврагъ, совсѣмъ невозможно. Засѣвшіе подъ стѣною и за камнями, многочисленные горцы перестрѣляли бы насъ по-одиночкѣ, какъ воронъ. Былъ одинъ шансъ и самимъ спастись и выручить тѣхъ, кто сидѣлъ въ саклях: нужно было ударить въ штыки, выйдя прямо въ ворота. Тутъ уже что-нибудь одно: или одолѣемъ, или—смерть въ открытомъ бою. Что другого выбора не оставалось, это было для меня ясно, какъ Божій день. Но солдаты мои были ненадежны, и поэтому я чуть было не погибъ.

Дѣло въ томъ, что этотъ самый разервный баталіонъ Апшеронскаго полка, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, потерпѣлъ серьезное пораженіе въ экспедиціи подъ начальствомъ графа Ивелича, неопытнаго петербургскаго офицера, пріѣхавшаго на Кавказъ за отличіями. Распоряженія его были такъ плохи, что при отступленіи баталіонъ былъ разбитъ; половина солдатъ легла, а половина спаслась бѣгствомъ, оставивъ въ рукахъ горцевъ тѣла самого Ивелича и баталіоннаго командира Авраменко. Лучшіе офицеры были перебиты.

Когда я собралъ роту и объяснилъ, что спастись можно только идя впередъ, то на мое приказаніе отпирать ворота начался ропотъ между солдатами, и даже одинъ офицеръ, Здоровенко плаксивымъ голосомъ сталъ увѣрять, что вылазка невозможна, что это значило бы идти на

явную смерть, а лучше отступить черезъ калитку. Я страшно разсердился, обругалъ Здоровенко и ударилъ его плашмя шашкой, а къ солдатамъ обратился съ энергическимъ увѣщаніемъ. Тутъ все было: я имъ и Авраменку напомнилъ, говорилъ, что они опять хотятъ начальниковъ бросить, сказалъ, что все равно имъ не уйти, ихъ какъ воронъ перестрѣляютъ, а что я хочу умереть какъ честный человѣкъ и, на срамъ имъ, одинъ пойду противъ непріятеля; затѣмъ велѣлъ отворить ворота, и со словами: «прощайте: вы больше меня не увидите!» бросился на улицу. Я успѣлъ только выстрѣлить изъ пистолета и раза два рубнуть шашкой, какъ потерялъ сознаніе отъ удара по головѣ.

Когда я опомнился, то увидѣлъ, что горцы бѣгутъ, а наши ихъ колятъ. Оказалось, что мои слова пристыдили солдатъ и они за мной бросились. Черкесы не ожидали такой смѣлой вылазки; особенно же поразилъ ихъ крикъ «ура!» загремѣвшій и съ другой стороны. Тамъ, въ одной изъ сакель засѣлъ поручикъ Синановъ и съ нимъ человѣкъ 30 солдатъ. Онъ слышалъ, какъ я звалъ своихъ людей на вылазку, и одновременно со мной кинулся на горцевъ.

Я получилъ двѣ раны въ голову; шапка моя была разрублена, но все же она на столько ослабила ударъ, что я, очнувшись, былъ въ состояніи дѣлать распоряженія. Но бѣдный Синановъ получилъ такую тяжелую рану, что черезъ три дня умеръ. Нашъ совмѣстный ударъ былъ такъ неожиданъ и рѣшителенъ, что горцы, взятые врасплохъ, бѣжали какъ бараны. Мы захватили много лошадей и отступая везли на нихъ раненыхъ. Я уже взбирался на другую сторону оврага, гдѣ находился отрядъ генерала Клугенау, когда горцы, опомнившись, вздумали было насъ преслѣдовать, но были отбиты нашимъ огнемъ.

Нѣкоторое время мы еще простояли противъ Ишкартовъ; но отрядъ генерала Клугенау былъ слишкомъ слабъ для рѣшительнаго нападенія. Шамиль тоже не рѣшался насъ атаковать, и наконецъ ушелъ во свояси, при ропотѣ горцевъ, укорявшихъ его, что онъ ихъ обманулъ, увѣривъ, что въ этой сторонѣ русскихъ войскъ нѣтъ. Затѣмъ мы вернулись въ Шуру. Я, еще не оправившись отъ раны, лежалъ у себя на квартирѣ, когда пріѣхалъ генералъ Граббе и зашелъ меня провѣдать, вмѣстѣ съ Клугенау и цѣлой свитой, для которой у меня даже и стульевъ не хватило. Въ свитѣ былъ и Голофѣевъ, которому, какъ мнѣ послѣ говорили, сильно досталось отъ Граббе за его нелѣпыя распоряженія, чуть было не отдавшіе Шуру на разореніе Шамилемъ. Граббе сѣлъ на мою кровать, наговорилъ мнѣ всякихъ любезностей, а затѣмъ, по его представленію, я за Ишкарты получилъ самый дорогой знакъ отличія георгіевскій крестъ.

Не успѣлъ я еще путемъ залечить свою головную рану, какъ пришлось идти въ новую экспедицію, на аулъ Гимры, которую Клуге-

нау предпринялъ со всѣмъ Апшеронскимъ полкомъ и небольшимъ числомъ казаковъ. Штурмъ этого аула, гдѣ засѣлъ Шамиль съ большимъ числомъ горцевъ, былъ кровавый. Мюриды дрались отчаянно и не просили пощады. Мнѣ съ моимъ баталіономъ поручено было обойти аулъ съ тыла, а самъ Клугенау съ остальными тремя баталіонами велъ атаку съ фронта. При немъ офицеромъ генеральнаго штаба былъ Веревкинъ, а при моей колоннѣ капитанъ Пассекъ, только что пріѣхавшій на Кавказъ. Какъ только мой баталіонъ атаковалъ Гимры съ тыла, Шамиль началъ отступать. Мимо меня, подъ ружейнымъ огнемъ бѣжали черезъ Койсу толпы горцевъ и среди нихъ, на мулѣ, ѣхалъ самъ Шамиль. Я видѣлъ его близко. Будь у насъ ружья, а не наши кремневыя палки, не много бы горцевъ ушло!

Въ самыхъ Гимрахъ происходилъ ужасный рукопашный бой; лучшіе мюриды Шамиля тутъ погибли. На другой день со всѣхъ сторонъ приходили туда жены, матери, сестры убитыхъ горцевъ, искать ихъ тѣла или головы. Много жестокостей дѣлалось и съ нашей стороны: трудно было углядѣть за милиціонерами казаками, да на многое и не обращали вниманія. Помню какъ теперь головы убитыхъ горцевъ, сложенныя пирамидами.

При этомъ штурмѣ, Шамиль едва не попалъ въ наши руки; онъ даже не успѣлъ захватить свои пожитки, и мнѣ солдаты принесли его мѣдную походную чернильницу (она должна быть гдѣ нибудь у насъ въ деревнѣ).

Въ Гимрахъ мы простояли не долго. Горцы стали собираться со всѣхъ сторонъ, и при неопытномъ начальникѣ отступленіе могло бы быть трудное и сопряженное съ большими потерями. Но Клугенау распорядился очень ловко: къ ночи въ аулѣ разложены были костры, въ войскахъ пробили вечернюю зарю, а затѣмъ они незамѣтно подъ покровомъ темноты, покинули Гимры. Когда горцы спохватились, было уже поздно, и отступленіе совершилось съ небольшой перестрѣлкой, почти безъ потерь.

По возвращеніи въ Шуру я продолжалъ лечить свою раненную голову и собирался куда нибудь поѣхать, чтобы хорошенько полѣчиться. Но и тутъ не пришлось уѣхать мирно: произошла у меня ссора съ Симборскимъ. Онъ еще до того былъ мною очень недоволенъ за внезапный отъѣздъ изъ отряда Голофѣева. Дѣло въ томъ, что хотя всѣ его баталіоны были въ отрядѣ, но онъ оставался въ Шурѣ съ полковымъ обозомъ; мнѣ же поручилъ фуражныя деньги. Когда я уѣхалъ, сдавъ эти суммы другимъ баталіоннымъ командирамъ, онъ сталъ сильно опасаться за цѣлость денегъ. Затѣмъ, когда весь полкъ собрался около Шуры, Симборскій однажды собралъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ и сталъ насъ упрекать за ослабленіе въ полку

дисциплины. Въ доказательство онъ приводилъ, что при проѣздѣ его черезъ одинъ изъ полковыхъ огородовъ, команда солдатъ обѣдала и отдыхала и не встала передъ нимъ во фронтъ. Въ такой распущенности, по словамъ Симборскаго, прямо виноваты господа баталіонные командиры. И это все говорилось послѣ блестящаго штурма Гимровъ, тѣмъ штабъ-офицерамъ, которые вели въ огонь штурмовыя колонны; говорилось тѣмъ полковымъ командиромъ, который подъ Гимрами только стоялъ при казенномъ ящикѣ!—Я взглянулъ на моихъ посѣдѣлыхъ въ бояхъ товарищей: Огіевскаго и Вагнера и не вытерпѣлъ. «Напрасно, говорю, полковникъ вы указываете на ослабленіе въ полку дисциплины; этого нѣтъ. Апшеронскій полкъ и теперь поддерживаетъ свою столѣтнюю славу, и этимъ онъ обязанъ единственно только своимъ баталіоннымъ командирамъ, которыми только вы, почему то, считаете возможнымъ быть недовольнымъ».—Можетъ быть я и еще что нибудь болѣе жесткое добавилъ, такъ какъ Симборскій, въ гнѣвѣ, заявилъ мнѣ, что если я такого о немъ мнѣнія, то намъ вмѣстѣ служить невозможно. Тутъ ужъ и я разсердился, и крикнувъ ему: «я за срамъ сочту и служить съ такимъ полковымъ командиромъ!» ушелъ изъ комнаты.

На другой день, въ воскресенье, я долженъ былъ обѣдать у Клугенау, и конечно не пошелъ; но онъ самъ пришелъ вечеромъ меня провѣдать и дружески пенялъ за мою горячность съ Симборскимъ. Я вскорѣ получилъ отпускъ въ Тифлисъ, для лѣченія при тамошнемъ госпиталѣ. Передъ отъѣздомъ случился ротный праздникъ 1-й роты, и командиръ ея, Евдокимовъ пришелъ звать меня, а когда я сталъ отказываться, то онъ, догадавшись, что не желаю встрѣтиться съ Симборскимъ, успокоилъ меня, заявивъ, что полкового командира не будетъ.

Послѣ этого праздника я выѣхалъ вмѣстѣ съ офицеромъ генеральнаго штаба Веревкинымъ, который тоже отправлялся въ Тифлисъ. Большое общество офицеровъ провожало насъ до Кяфыръ-Кумыка (3 в. отъ Шуры). Мы ѣхали верхами на перемѣнныхъ казачьихъ лошадяхъ, отъ поста до поста, на Казанище, Дербентъ, Баку. Въ Баку пригласилъ насъ остановиться у себя начальникъ тамошняго порта, капитанъ-лейтенантъ Фофановъ; у него была хорошенькая и очень любезная жена и мы время проводили очень весело, ѣздили смотрѣть на бившіе изъ земли нефтяные фонтаны. Ночью, городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ огнями, казался очень живописнымъ. Побывали мы и въ монастырѣ огнепоклонниковъ и видѣли ихъ богослуженіе, которое сопровождались очень оригинальными пантоминами.

Согласно уговору съ Веревкинымъ, путевые расходы до Баку долженъ былъ вести я, а отъ Баку—онъ. Но на бѣду мой спутникъ любилъ карты, и въ Баку совсѣмъ проигрался. У меня денегъ въ запасѣ

не было, и взять ихъ было не откуда. Чтобы Веревкинъ еще болѣе не зарвался, я убѣдилъ его уѣхать въ Шемаху и уже оттуда написать въ Тифлисъ, чтобы прислали денегъ. Былъ уже ноябрь мѣсяцъ; въ Шемаху мы пріѣхали къ ночи, и долго насъ водили по городу, чтобы отвести квартиру. Домишки маленькіе; куда ни приведутъ, всюду семья хозяина поднимаетъ вой. Наконецъ, въ одномъ домѣ я объявилъ, что останусь здѣсь и никуда не пойду. Комната была одна и въ ней холодъ страшный. Я понять не могъ, какъ они всѣ не замерзнутъ. Наконецъ я догадался въ чемъ дѣло: среди комнаты была яма и въ ней такъ называемый мангалъ (жаровня съ угольями) покрытый коврами. Хозяинъ и вся семья сидятъ вокругъ, уткнувъ ноги подъ коверъ, и имъ тепло. Мы съ Веревкинымъ сдѣлали тоже самое, несмотря на вопли татарокъ, и такъ провели ночь, а утромъ нашли уже болѣе сносную квартиру. Двѣ недѣли сидѣли мы въ Шемахѣ, ожидая денегъ, а далѣе поѣхали уже на почтовыхъ, черезъ Елисаветполь. Дорога была опасная; недавно тамъ былъ ограбленъ и едва не убитъ горцами полковникъ Чапличъ.

Въ Тифлисѣ я нанялъ квартиру у нѣмца-колониста, сталъ ежедневно ходить въ госпиталь и, считаясь больнымъ, могъ ни къ кому изъ начальства не являться. Вдругъ, черезъ нѣсколько дней, получаю предписаніе явиться къ главнокомандующему, генералу Головину. Надѣвъ полную форму, я въ назначенный часъ отправился къ нему не безъ нѣкотораго безпокойства: думалъ, ужъ не пришла ли какая нибудь жалоба на меня отъ полкового командира. Но это безпокойство оказалось напраснымъ. Головинъ принялъ меня въ кабинетѣ и началъ разговоръ тѣмъ, что много обо мнѣ слышалъ и желалъ поглядѣть на меня. Онъ наговорилъ мнѣ кучу любезностей, спросилъ о моемъ здоровьи и о дальнѣйшихъ предположеніяхъ. Я отвѣчалъ, что чувствую необходимость отдохнуть и желалъ бы получить отпускъ за границу. На это Головинъ сказалъ, что я имѣю полное право на отдохновеніе, но что онъ лично меня проситъ, если только здоровье мое сколько нибудь это позволяетъ, обождать съ отпускомъ, такъ какъ онъ на меня разсчитываетъ въ виду предстоящей, быть можетъ скоро, экспедеціи подъ его личнымъ начальствомъ. «У меня мало надежныхъ баталіонныхъ командировъ,—прибавилъ Головинъ; я только и надѣюсь на васъ, да на Радзивилова». Отпуская меня, Головинъ сказалъ, чтобъ я жилъ въ Тифлисѣ сколько хочу и лечился, чтобы набраться силъ и потомъ идти съ нимъ, брать аулъ Чиркей.

Въ Тифлисѣ мнѣ жилось очень весело. Старыхъ знакомыхъ по гвардіи было много. Тутъ былъ племянникъ Головина, состоявшій при немъ адъютантомъ, и другой адъютантъ, Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій; Валеріанъ Муравьевъ и Дессимонъ—оба мои корпусные това-

рищи. Вскорѣ я получилъ приглашеніе къ Головину на раутъ. Эти рауты были очень торжественны и напоминали собою придворные балы. Въ назначенный часъ главнокомандующій выходилъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ въ залы и обходилъ собравшихся гостей. На этотъ разъ Головинъ вышелъ видимо озабоченный и, не глядя ни на кого изъ собравшагося генералитета прямо, прошелъ въ дальній конецъ залы, ко мнѣ. Къ общему изумленію, онъ взялъ меня, смиреннаго армейскаго маіора, подъ руку; отвелъ къ окну и долго со мной разговаривалъ. Онъ былъ озабоченъ только что полученнымъ имъ донесеніемъ отъ Клугенау о неудачной экспедиціи на аулъ Цельмесъ. Головинъ спросилъ, слышалъ ли я объ этомъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта разсказалъ мнѣ содержаніе донесенія и спросилъ о моемъ мнѣніи о причинахъ неудачи.

Я зналъ, что восточные народы при пораженіяхъ быстро падаютъ духомъ, но зато при малѣйшемъ успѣхѣ силы ихъ удесятеряются. Съ опытными кавказскими военачальниками неудачи въ то время рѣдко случались; но когда наѣзжали изъ Петербурга генералы, желавшіе отличиться, имъ казалось, что легко мимоходомъ пожать лавры, ведя въ экспедицію боевыя кавказскія войска. Неопытность этихъ любителей отличій часто вела къ печальнымъ послѣдствіямъ. Головинъ сообщилъ, что на Цельмесъ былъ направленъ баталіонъ Апшеронскаго полка съ двумя пушками и шамхальской конной милиціей. Начальствовалъ генералъ Бакунинъ, только что прибывшій изъ Петербурга инспектировать артиллерію. Цѣлью экспедиціи было—принудить цельмесцевъ къ выдачѣ скрывавшагося у нихъ Хаджи-Мурата (извѣстнаго впослѣдствіи сподвижника Шамиля). Аулъ Цельмесъ былъ не великъ, всего 15 сакель; но защищать его сбѣжалось все окрестное населеніе. Приступъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Горцы перешли въ наступленіе и даже захватили обѣ пушки, отбитыя у нихъ однако Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ съ его всадниками. Головина чрезвычайно озабочивалъ вопросъ о причинѣ неудачи. Я высказалъ ему, что, судя по донесенію, можно полагать, что Бакунинъ, по неопытности, повелъ одну фронтальную атаку, противъ которой горцы держатся всегда съ большимъ упорствомъ. Слѣдовало одновременно послать часть войскъ въ обходъ, и тогда непріятель, опасаясь потерять путь отступленія, сейчасъ показалъ бы тылъ. Головинъ, поговоривъ со мною подробно объ обходныхъ движеніяхъ и ихъ значеніи въ Кавказской войнѣ, остался очень доволенъ тѣми свѣдѣніями, которыя я ему сообщилъ и еще разъ повторилъ мнѣ свое непремѣнное желаніе, чтобы я участвовалъ въ предстоящей экспедиціи на Чиркей.

Мнѣ было очень досадно слышать о неудачѣ, постигшей нашъ баталіонъ. Уже потомъ я узналъ подробно, какъ было дѣло. Ахметъ-

ханъ-Мехтулинскій, резиденція котораго была въ Дженгутаѣ, состоялъ опекуномъ своего родственника, хана Аварскаго, за малолѣтствомъ котораго Аваріей управлялъ Хаджи-Муратъ, жившій въ Хунзахѣ. Онъ давно враждовалъ съ Ахметъ-ханомъ, и послѣднему удалось (уже послѣ моего отъѣзда изъ Шуры) представить Клугенау какія то доказательства сношеній Хаджи-Мурата съ Шамилемъ. Клугенау приказалъ арестовать обвиняемаго, поручивъ исполнить это и привести арестованнаго въ Шуру начальнику нашего гарнизона въ Хунзахѣ, капитану Флебсу. Разстоянія отъ Хунзаха до Шуры верстъ 70. Флебсъ, арестовавъ Хаджи-Мурата, самъ повелъ его въ Шуру подъ небольшимъ конвоемъ. Дорогою въ горахъ ихъ застала мятель и они заблудились. Тогда Хаджи-Муратъ вызвался найти дорогу: его и пустили впередъ, какъ проводника, оставивъ впрочемъ со связанными руками. Онъ водилъ, водилъ свой конвой по горамъ и, наконецъ, улучивъ минуту, какъ былъ со связанными руками, бросился съ кручи и пропалъ въ ущельи. Прыгать туда за нимъ конечно никто не рѣшился, и Флебсъ, проплутавъ довольно долго, явился въ Шуру безъ арестанта. Въ то же время стало извѣстно, что Хаджи-Муратъ нашелъ себѣ убѣжище въ Цельмесѣ. На требованіе выдать его цельмесцы отвѣчали, что по ихъ обычаямъ имъ нельзя выдать гостя, пришедшаго къ нимъ искать убѣжища, а пусть придутъ и возьмутъ его, какъ знаютъ. Оставалось предпринять экспедицію для наказанія непокорнаго аула. Былъ назначенъ Вагнеръ съ его баталіономъ и 2 орудіями и врагъ Хаджи-Мурата Ахметъ-ханъ съ его всадниками. Въ это время въ Шуру пріѣхалъ состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ генералъ-маіоръ Бакунинъ. Въ разговорѣ съ съ Клугенау онъ выразилъ сожалѣніе, что не успѣлъ пріѣхать къ экспедиціямъ и что ему не придется принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Клугенау, желая угодить столичному гостю, отвѣчалъ, что у насъ на Кавказѣ экспедиціи бываютъ круглый годъ и что, если онъ желаетъ, то можетъ принять начальство надъ экспедиціей въ Цельмесъ. Бакунину это очень понравилось: онъ думалъ, что будетъ лишь числиться начальникомъ, а всѣмъ распоряжаться станетъ баталіонный командиръ. Для этого онъ предложилъ явившемуся къ нему за приказаніями Вагнеру помѣститься въ одной съ нимъ палаткѣ; но Вагнеру это было неудобно, такъ какъ по ночамъ онъ пьянствовалъ, и потому отклонилъ отъ себя эту честь. Тогда Бакунинъ, чтобы имѣть съ кѣмъ совѣтоваться, взялъ съ собою въ палатку поручика Лагоду, шедшаго съ двумя орудіями. Прибывъ въ Хунзахъ, онъ сталъ вести переговоры съ цельмесцами, терялъ время и тѣмъ далъ горцамъ возможность собраться въ значительныхъ силахъ и приготовиться къ оборонѣ. Затѣмъ атака поведена была только съ фронта. Можетъ быть храброму баталіону и удалось бы, хотя съ огромными потерями, взять Цельмесъ, но на бѣду Вагнеръ былъ раненъ въ

самомъ началѣ дѣла, и распоряжаться пришлось самому Бакунину. Дѣло кончилось полнымъ пораженіемъ; Бакунинъ былъ смертельно раненъ. Повторилась исторія графа Ивелича.

III.

Экспедиція къ Чиркею.—Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Отъѣздъ заграницу.—Возвращеніе.—Главнокомандующій генералъ Нейдгардтъ.—Переходъ въ Ряжскій полкъ.—Командированіе на Кавказъ.—Командованіе Прагскимъ полкомъ.—Назначеніе князя Воронцова Намѣстникомъ Кавказа.—Флигель-адъютантъ Копьевъ.—Генералъ Лабинцевъ.—Экспедиція въ Дарго.—Заключеніе.

Я пробылъ въ Тифлисѣ до самой экспедиціи въ Чиркей; но еще до нея генералъ Фези, собиравшій для насъ отрядъ, послалъ меня производить слѣдствіе о безпорядкахъ въ Ширванскомъ полку. Фези не любилъ полкового командира Врангеля и подъ него подкапывался. Нарушеніе дисциплины оказалось въ шефской ротѣ капитана Бучкіева, въ которой собраны все были молодцы, старые гвардейцы, приведенные на Кавказъ послѣ 14-го декабря 1825 г. Я произвелъ слѣдствіе по сущей справедливости; чистосердечныя показанія бравыхъ солдатъ меня тронули до глубины души. По совѣсти, во всемъ былъ виноватъ Бучкіевъ, о чемъ я и вывелъ въ слѣдствіи съ полной ясностью. Его отдали подъ судъ и посадили въ крѣпость, а Фези такъ и не удалось надѣлать непріятностей полковому командиру. Я продолжалъ числиться въ Апшеронскомъ полку, но временно назначенъ командиромъ 1-го баталіона Ширванскаго; а на время экспедиціи мнѣ было поручено два баталіона.

Къ Чиркею войска направлялись съ двухъ сторонъ: Граббе шелъ отъ р. Койсу; но онъ долженъ былъ только демонстрировать, чтобы оттянуть на себя часть непріятельскихъ силъ; главную же атаку долженъ былъ вести нашъ отрядъ, подъ начальствомъ самого Головина, который шелъ отъ крѣпости Внезапной въ Салатавію и долженъ былъ взять Хубарскія высоты, командовавшія надъ Чиркеемъ. При Головинѣ былъ и Клугенау.

Въ это время къ намъ перевели изъ Россіи полковника Шафранскаго; это былъ полякъ, съ молоду участвовавшій чуть ли еще не въ походахъ Суворова, но теперь совсѣмъ одряхлѣвшій. Служилъ онъ въ Гренадерскомъ корпусѣ и неизвѣстно почему его перевели на Кавказъ. Между тѣмъ, какъ онъ былъ старше меня чиномъ, то ему поручили, номинально, мои два баталіона. Мнѣ это было все равно, такъ какъ при штурмѣ высотъ, все таки мнѣ нужно было распоряжаться, потому что взобраться на нихъ верхомъ было невозможно, а пѣшкомъ Шафранскій взойти не могъ.

Когда отдавались приказанія о штурмѣ высотъ, Клугенау потребовалъ къ себѣ начальниковъ колоннъ и позвалъ Шафранскаго и меня. Тутъ мнѣ не понравилось, что, отдавая приказаніе, Клугенау все обращался къ Шафранскому, точно онъ въ-серьёзъ принимаетъ назначеніе его начальникомъ колонны. Мы стояли, на лошадяхъ, полукругомъ около генерала. Я попятилъ лошадь и выѣхалъ изъ этого полукруга. Замѣтивъ это Клугенау недовольнымъ образомъ закричалъ: «Это куда вы уѣхали? Я вамъ приказываю!» Однако потомъ, объясняя то, что относилось до командованія моими двумя баталіонами, сталъ обращаться уже ко мнѣ, а не къ Шафранскому.

Распоряженія относительно взятія Хубарскихъ высотъ были хорошо обдуманы, а исполнены блистательно. Мои баталіоны шли прямо съ фронта на высоты и быстро ими овладѣли. Подъ горою я бросилъ лошадь и поднялся на вершину вмѣстѣ съ моими солдатами; Шафранскій же такъ и остался подъ горой.

Послѣ взятія Хубарскихъ высотъ Чиркей уже не могъ держаться; мы его заняли безъ труда и соединились съ отрядомъ Граббе. Горцы разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ, куда попрятали свои семейства, скотъ и прочее имущество. Началось мародерство; солдаты ходили въ лѣсъ и возвращались оттуда съ разной добычей. Я, опасаясь убыли въ людяхъ и, вообще, не любя поощрять подобныя дѣла, сперва строго запретилъ въ своихъ двухъ баталіонахъ такія отлучки въ лѣсъ, а потомъ самому стало досадно. Въ другихъ частяхъ солдаты натащили всякаго добра; одни только мои сидятъ съ пустыми руками. Тогда я разрѣшилъ образовать команду, по 5 чел. съ каждой роты, подъ начальствомъ прапорщика Магдалинскаго, и послалъ ихъ въ лѣсъ на фуражировку. Добычу они притащили порядочную, но на бѣду наткнулись на сильную партію горцевъ, имѣли съ нею перестрѣлку, окончившуюся тѣмъ, что принесли троихъ раненыхъ и одного убитаго. Я немного струхнулъ: не попасть бы подъ отвѣтственность за разрѣшеніе такой экспедиціи, и отправился прямо къ Граббе, съ покаяніемъ. Тотъ только рукой махнулъ и меня успокоилъ. Вскорѣ затѣмъ Головинъ послалъ меня съ моими двумя баталіонами привезти провіантъ изъ Внезапной. Эта экспедиція удалась мнѣ отлично. Всю дорогу шла перестрѣлка съ горцами; на обратномъ пути ихъ собралось още больше, но провіантъ я доставилъ благополучно, понеся самую ничтожную потерю (2 убитыхъ и 5 раненыхъ). Головинъ былъ въ восторгѣ, благодарилъ меня и, давая отпускъ, сказалъ, чтобы я скорѣе поправлялся и когда вернусь, то для меня будетъ готовъ полкъ.

Я отправился въ Пятигорскъ и Кисловодскъ, гдѣ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, лечился отъ ранъ и лихорадки. Въ Кисловодскѣ я занималъ квартиру надъ гауптвахтой, вмѣстѣ съ однимъ моимъ то-

варищемъ по послѣдней экспедиціи. На водахъ намъ, офицерамъ, жилось очень весело; общество было большое. Часто я посѣщалъ домъ генеральши Верзилиной; былъ знакомъ съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, но въ тотъ день, когда у нихъ произошла дуэль, меня въ Кисловодскѣ не было, такъ какъ я именно въ это время долженъ былъ съѣздить въ Шуру для сдачи своего баталіона передъ отбытіемъ въ Петербургъ. Всю компанію офицеровъ, къ которой принадлежали Лермонтовъ и Мартыновъ, я передъ тѣмъ видѣлъ ежедневно. Лермонтовъ былъ очень остроуменъ и постоянно подшмалъ на смѣхъ Мартынова, но они были пріятели, и послѣдній на это не сердился. При мнѣ онъ говорилъ Лермонтову, что тотъ можетъ сколько хочетъ надъ нимъ смѣяться въ кругу товарищей и что онъ на это не въ претензіи, но проситъ только, чтобы не осмѣивалъ его при дамахъ. Говорили тоже, что онъ былъ сердитъ на Лермонтова будто бы за то, что тотъ везъ ему письмо отъ сестры изъ Москвы и распечаталъ его; между тѣмъ, въ письмѣ оказались деньги, а потому сослаться на потерю письма было невозможно. Пришлось передать деньги безъ письма, а потомъ Мартыновъ убѣдился въ томъ, что оно было вскрыто и утаено. Когда я вернулся въ Кисловодскъ, Лермонтовъ уже былъ убитъ, и Мартыновъ, ожидая суда, сидѣлъ на гауптвахтѣ, подъ нашей квартирой. Мартыновъ былъ съ виду добрый малый, недуренъ собой, очень занимался своей наружностью и любилъ дамское общество. Ходилъ онъ всегда въ черкесскомъ костюмѣ и съ большимъ кинжаломъ, который служилъ источникомъ нескончаемыхъ остротъ Лермонтова.

Изъ Кисловодска я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ всю осень 1841 года. Мнѣ довелось тогда представляться императору Николаю. Государь принялъ меня въ высочайшей степени милостиво и, спросивъ, кто меня лечитъ, приказалъ отправиться къ лейбъ-медику Арендту. Я былъ отпущенъ за границу съ консульской подорожной и получилъ 300 червонцевъ на дорогу. За границей я долго прожилъ въ Дрезденѣ, ѣздилъ въ Саксонскую Швейцарію, въ Вѣну, а часть времени провелъ въ Восточной Пруссіи, у сестры моей, баронессы Зассъ. На возвратномъ пути, проѣзжая черезъ Варшаву, я представлялся фельдмаршалу князю Паскевичу, при которомъ родные мои желали мнѣ устроить назначеніе. Это, однако же, не состоялось, хотя Паскевичъ принялъ меня очень любезно.

Ранней весной 1843 года я возвратился въ Петербургъ, такъ какъ 1-го апрѣля истекалъ срокъ моего отпуска. Въ это время на мѣсто Головина назначенъ былъ на Кавказъ генералъ Нейдгартъ, хорошо знавшій мою мать, такъ какъ дочери его воспитывались въ Смольномъ. Зная отъ матушки, что я служу на Кавказѣ и долженъ скоро вернуться изъ-за границы, онъ изъявилъ желаніе меня видѣть. Я отправился пред-

ставляться въ гостиницу Демута, гдѣ овъ тогда жилъ. Пріемъ былъ очень любезный, но генералъ сразу произвелъ на меня дурное впечатлѣніе своимъ формализмомъ. Мнѣ хотѣлось еще мѣсяцъ пробыть въ Петербургѣ, чтобы не ѣхать на Кавказъ въ самую ростепель, о чемъ и просилъ Нейдгардта, объяснивъ при этомъ, что экспедиціи ранѣе мая не начинаются и, что если я пріѣду къ 1-му мая, то попаду къ самому началу военныхъ дѣйствій. Генералъ согласился на мою просьбу, но затруднялся какъ ее оформить. Я отвѣчалъ, что если это необходимо, то могу подать докладную записку. Онъ нашелъ, что это будетъ очень хорошо, но когда записка была принесена, то сказалъ, что лучше будетъ подать въ формѣ рапорта. Прихожу въ третій разъ, уже съ рапортомъ— генералъ опять затрудняется, спрашиваетъ медицинское свидѣтельство, находя, что едва ли можно дать отсрочку съ сохраненіемъ содержанія. Меня всѣ эти затрудненія разсердили, и я сказалъ, что рапорта переписывать не стану, но увѣренъ, что государь не отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ. Вообще, изъ разговоровъ съ Нейдгардтомъ въ продолженіе нѣсколькихъ нашихъ свиданій я вынесъ такое впечатлѣніе, что едва ли назначеніе его можетъ оказаться удачнымъ. Мнѣ даже не было охоты возвращаться на Кавказъ. Подъ впечатлѣніемъ послѣдняго съ нимъ свиданія, я зашелъ къ остановившемуся въ той же гостиницѣ моему хорошему знакомому и бывшему сослуживцу Назимову, въ то время начальнику штаба 6-го корпуса. Назимовъ, выслушавъ мой разсказъ о Нейдгардтѣ, сказалъ, что какая же мнѣ охота ѣхать на Кавказъ, когда не жду прока отъ будущихъ распоряженій новаго начальника, и предложилъ устроить мнѣ переводъ въ другой корпусъ, что было возможно. Я съ удовольствіемъ на это согласился, и черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ мой переводъ изъ Апшеронскаго полка въ Ряжскій.

Этотъ полкъ стоялъ въ Липецкомъ уѣздѣ, гдѣ былъ занятъ работами по строившемуся тогда шоссе; командовалъ имъ полковникъ Миллеръ. Штабъ моего батальона стоялъ въ селѣ Думчинѣ; по сосѣдству было много помѣщиковъ, и жилось очень весело. Особенно хорошо я былъ принятъ въ домѣ Афанасія Нефедьевича Шеншина, отца поэта Фета (котораго я тоже зналъ еще очень молодымъ человѣкомъ); дочери его, Любовь и Надежда, были тогда въ Смольномъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ряжскій полкъ перевели въ Москву, гдѣ насъ прекрасно размѣстили въ Хамовницкихъ казармахъ. Въ Москвѣ у меня было много знакомыхъ, между прочимъ, баронъ Рейхель (впослѣдствіи директоръ гимназіи). Часто бывалъ я съ нимъ на гуляньи въ саду Минеральныхъ водъ въ Ушаковскомъ переулкѣ, и тамъ однажды вышла неожиданная встрѣча. Ко мнѣ подошелъ совсѣмъ неизвѣстный мнѣ господинъ, отрекомендовавшійся Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ и сказалъ, что знакомая мнѣ

дама желаетъ меня видѣть. Дама оказалась моей заграничной знакомой Сухово-Кобылиной, которая теперь была уже замужемъ за графомъ Сальясомъ. Она тутъ же познакомила меня со своимъ мужемъ, который на другой день пріѣхалъ ко мнѣ и пригласилъ у нихъ бывать. При большомъ знакомствѣ время шло незамѣтно. Служба тоже шла своимъ чередомъ; командиръ корпуса, генералъ Тимофѣевъ и дивизіонный начальникъ генералъ Чебышевъ были всегда довольны и мною и моимъ баталіономъ. Особенно любезенъ былъ генералъ Тимофѣевъ на разводѣ 17-го апрѣля, и говорилъ, что желаетъ какъ можно скорѣе видѣть меня полковымъ командиромъ.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, появляется приказъ о переводѣ моемъ изъ Ряжскаго полка въ Прагскій, 5-то корпуса. Произошло это по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Нужно сказать, что въ то время, какъ я служилъ въ Ряжскомъ полку, дѣла на Кавказѣ шли такъ плохо, какъ никогда. Нѣсколько укрѣпленій было взято Шамилемъ; всѣ горцы Дагестана соединились подъ его властью и наши войска были оттѣснены по всей линіи. Чтобы поправить сколько нибудь наши дѣла рѣшено было двинуть на Кавказъ большія подкрѣпленія, въ томъ числѣ весь 5-й корпусъ, генерала Лидерса. Въ этомъ корпусѣ одинъ мой хорошій знакомый, Корниловъ, бывшій адъютантъ Лидерса, командовалъ баталіономъ. Передъ самымъ выступленіемъ на Кавказъ, командиръ Прагскаго полка подалъ рапортъ о болѣзни. Когда Лидерсу доложилъ объ этомъ его начальникъ штаба Мендъ, онъ ужасно разсердился. Въ это время у него сидѣлъ Корниловъ, и зашелъ разговоръ о томъ, что невозможно идти на войну съ такими командирами, которые заболѣваютъ при первомъ извѣстіи о походѣ. Корниловъ сталъ говорить Лидерсу, что полезно было бы имѣть во главѣ полковъ, по возможности, сколько нибудь людей бывалыхъ, хорошо знающихъ Кавказъ, и тутъ вспомнилъ обо мнѣ. Онъ былъ человѣкъ увлекающійся и къ тому же очень меня любилъ; мы вмѣстѣ воспитывались въ корпусѣ и съ дѣтства были очень дружны. Корниловъ сталъ разсказывать Лидерсу о моей прошлой службѣ на Кавказѣ, и разговоръ ихъ кончился тѣмъ, что Лидерсъ пожелалъ непремѣнно имѣть меня къ своемъ корпусѣ. Присутствовавшій при этомъ начальникъ штаба Мендъ тоже зналъ меня, такъ какъ прежде служилъ на Кавказѣ. Лидерсъ, выслушавъ и его мнѣніе, сейчасъ же велѣлъ написать военному министру, что настоятельно проситъ о переводѣ меня въ его корпусъ, такъ какъ имѣетъ въ виду поручить мнѣ командованіе полкомъ. Все сдѣлано было такъ быстро, что меня никто не успѣлъ предупредить, и о своемъ переводѣ я узналъ лишь изъ приказа. Я былъ удивленъ, и мнѣ стало непріятно, что мною такъ, не спросясь, распоряжаются. Во-первыхъ изъ Москвы, гдѣ мнѣ было хорошо, уѣзжать

не хотѣлось; во-вторыхъ, Тимофѣевъ былъ такъ со мной любезенъ, что я и безъ того могъ разсчитывать попасть въ полковые командиры; самое же главное,—ужъ если возвращаться на Кавказъ, то я всегда могъ опять перейти въ одинъ изъ старыхъ кавказскихъ полковъ, которые зналъ и гдѣ меня еще помнили,—что, конечно, было бы гораздо пріятнѣе, чѣмъ являться съ новичками, не имѣющими понятія о тамошней войнѣ. Сказавъ Тимофѣеву, которому мой переводъ былъ непріятенъ, что постараюсь остаться въ его корпусѣ, я написалъ Назимову, спрашивая, что все это значитъ и нельзя ли это передѣлать. Изъ его отвѣта я убѣдился, что надо ѣхать въ Прагскій полкъ. Оказалось, что письмо Лидерса было доложено министромъ государю, который переводъ мой въ 5-й корпусъ, идущій на Кавказъ, вполнѣ одобрилъ. И такъ, весною 1844 г. я въ третій разъ поѣхалъ на Кавказъ, прямо въ Ставрополь, куда стягивались войска 5-го корпуса, стоявшаго до того времени около Одессы.

Когда я пріѣхалъ, то начальникъ 13-й дивизіи, генералъ Соболевскій послалъ меня произвести слѣдствіе о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Бѣлостокскомъ полку. Можетъ быть онъ разсчитывалъ, что я, какъ кандидатъ въ полковые командиры, буду съ особеннымъ стараніемъ все раскапывать, чтобы очистить себѣ вакансію. Однако, по тщательно произведенному мною слѣдствію, оказалось, что въ происшедшихъ безпорядкахъ полковой командиръ Скалонъ ничѣмъ не виноватъ. Между тѣмъ, хотя я былъ переведенъ въ Прагскій полкъ, но мнѣ поручили командовать 1-мъ баталіономъ Бѣлостокскаго.

Въ числѣ высылаемыхъ подкрѣпленій проходили черезъ Ставрополь резервные маршевые баталіоны, назначенные на пополненіе убыли въ кавказскихъ полкахъ. Безпорядокъ въ этихъ баталіонахъ былъ ужасающій. Впослѣдствіи, когда пріѣхалъ уже князь Воронцовъ, было произведено строгое слѣдствіе, и не только баталіонные командиры, но и самъ начальникъ этихъ маршевыхъ баталіоновъ, генералъ Тришатный были отданы подъ судъ. Сначала же никто не рисковалъ притронуться къ этому дѣлу.

Однажды, при проходѣ такого баталіона, я получаю предписаніе принять его и на другой же день вести далѣе, въ Темиръ-ханъ-Шуру. Отправляюсь принимать баталіонъ. Оказывается, что вся одежда изорванная, сапоги дырявые, набрюшниковъ нѣтъ; кромѣ того, люди заявили претензію, что дорогой ихъ заставляли работать и ничего не платили.

Командиръ сталъ предлагать мнѣ выдать деньги на исправленіе того, что недостаетъ; но я не счелъ возможнымъ вести на другой день баталіонъ и рапортомъ донесъ въ какомъ онъ видѣ, прося три дня сроку для приведенія всего въ порядокъ и окончанія расчетовъ по заявленнымъ претензіямъ. Въ то же время я просилъ дать въ мое распоряженіе всѣ швальни, чтобы обмундировать людей какъ слѣдуетъ,

такъ какъ становилось холодно, и по моему было безбожно вести ихъ далѣе оборванными, безъ набрюшниковъ и въ рваныхъ сапогахъ. Въ отвѣтъ получаю предписаніе: «минуя всѣ препятствія, принять баталіонъ и немедленно вести далѣе». Я на это, конечно, послалъ рапортъ о болѣзни, и командиру, приведшему баталіонъ, пришлось самому вести далѣе свою оборванную команду.

Черезъ нѣсколько дней въ штабъ нашей дивизіи пришло предписаніе генерала Гурко о томъ, чтобы я принялъ Прагскій полкъ отъ вышедшаго въ отставку полковника Левшина. Тогда я рапортомъ увѣдомилъ о выздоровленіи и поѣхалъ принимать полкъ. Это пришлось дѣлать не особенно аккуратно, такъ какъ напримѣръ новые мундиры и разное иное полковое имущество находилось еще или въ Херсонѣ, или на пути къ полку. Многое пришлось принять на вѣру. Не ѣхать же было въ Херсонъ.

Полкъ мой двинутъ былъ въ Грозную. Это происходило уже по прибытіи на Кавказъ новаго начальника князя Воронцова. Начались дѣла съ горцами, но на первыхъ порахъ не особенно серьезныя. Со 2-мъ баталіономъ своего полка я участвовалъ въ жаркомъ бою при Чонхери, въ Аргунскомъ ущельѣ. Потомъ было ночное дѣло близъ Воздвиженскаго укрѣпленія. Тутъ въ составѣ отряда было 6 баталіоновъ: 2 Куринскихъ, 2 Навагинскихъ и 2 моихъ, Прагскихъ. Солдаты наши вообще превосходные, и послѣ нѣсколькихъ дѣлъ я уже не замѣчалъ большой разницы между старыми кавказскими полками и моимъ пришедшимъ изъ Россіи.

Зиму эту я провелъ въ станицѣ Червленной; а весной отрядъ сталъ собираться въ крѣпости Грозной для знаменитой экспедиціи въ Даргò.

Воронцовъ назначенъ былъ на Кавказъ весною 1845 г. Найдгардтъ уѣхалъ изъ Тифлиса совсѣмъ сконфуженный, среди общаго противъ него неудовольствія. Не было отрасли военнаго или гражданскаго управленія, гдѣ бы онъ не напуталъ. И въ отношеніи туземнаго населенія онъ отличался полнѣйшимъ незнаніемъ быта и обычаевъ, а потому дѣлалъ безтактности, приводившія къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Такъ напримѣръ, на своихъ балахъ онъ, для увеселенія гостей, заставлялъ молодого султана Элисуйскаго танцовать лезгинку, не зная того, что, по ихъ правиламъ, высшій не долженъ танцовать передъ низшими. Султанъ лезгинку танцовалъ, но считая это за униженіе своего достоинства, полагалъ что главный начальникъ края умышленно его оскорбляетъ и подготовляетъ этимъ къ лишенію его званія. Это повело къ тому, что онъ завелъ сношенія съ Шамилемъ. Когда измѣна султана обнаружилась, пришлось покорный дотолѣ Элису брать штурмомъ, а султанъ бѣжалъ въ горы и сдѣлался нашимъ непримиримымъ врагомъ.

Съ прибытіемъ князя Воронцова и съ приходомъ подкрѣпленій всѣ

ободрились. Новый начальникъ, на котораго возлагали бывшія надежды, былъ встрѣченъ радостно. Воронцовъ былъ человѣкъ безспорно умный, отличный администраторъ и обладавшій умѣньемъ обходиться съ туземцами. Если въ его административныхъ распоряженіяхъ и встрѣчались ошибки, то потому, что ошибаться свойственно всѣмъ людямъ. Въ отношеніи военныхъ дѣйствій собственно на Кавказѣ у него было мало опытности, такъ какъ онъ хотя и служилъ тамъ молодымъ офицеромъ, но уже давно, при кн. Цицiановѣ, и то не долгое время. Теперь пріѣхавъ на Кавказъ онъ прежде всего обратилъ вниманіе на разные злоупотребленія по военному хозяйству; но и тутъ надо сказать, что имъ подчасъ допускались крупныя несправедливости. Онъ иногда любилъ слушать наушниковъ и слишкомъ былъ неосмотрителенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Извѣстная исторія съ полковымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ Копьевымъ можетъ служить тому примѣромъ. Копьевъ положительно пострадалъ вслѣдствіе армянскихъ интригъ. Всѣ армяне-подрядчики были недовольны тѣмъ, что онъ взялся самъ продовольствовать свой полкъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ требовали подрядчики интендантства. Начались доносы Воронцову, у воротъ квартиры котораго стоялъ ящикъ, для опусканія въ него письменныхъ просьбъ и заявленій. По доносамъ началось слѣдствіе, которое посланный княземъ Воронцовымъ Грекуловъ велъ очень пристрастно. У Копьева отняли полкъ, онъ сидѣлъ въ крѣпости, былъ лишенъ флигель-адъютантства; но на Кавказѣ всѣ были увѣрены, что онъ наказанъ напрасно. Впослѣдствіи ему удалось оправдаться и онъ получилъ другой полкъ, въ Россіи, а потомъ командовалъ бригадою.

Изъ кавказскихъ генераловъ того времени было много замѣчательныхъ. Граббе, Клюки-фонъ-Клугенау достаточно извѣстны. По храбрости своей и опытности еще былъ замѣчателенъ генералъ Лабинцевъ,— человѣкъ безъ всякаго образованія, грубый, неотесанный, съ большими странностями, но и съ большими военными дарованіями. Его посылали всегда въ самыя трудныя мѣста и онъ постоянно командовалъ аріергардомъ, что на Кавказѣ считалось опаснѣйшимъ постомъ. Лабинцевъ былъ ворчунъ и всегда недоволенъ дѣйствіями другихъ, на что часто имѣлъ полное основаніе. Помню хорошо, въ какое онъ пришелъ негодованіе, когда Воронцовъ, уйдя изъ подъ Дарго, представилъ къ Георгію начальника своего авангарда, генерала Бѣлявскаго. Воронцовъ тогда еще не вполнѣ освоился съ Кавказомъ; уходить изъ подъ Дарго ему было трудно; на середину отряда, гдѣ онъ былъ самъ, горцы производили отчаянныя атаки. Но еще труднѣе было Лабинцову, такъ какъ всѣ усилія непріятеля были направлены на аріергардъ. Бѣлявскому было всѣхъ легче. Горцы даже умышленно бросали позиціи и отступали, чтобы авангардъ ушелъ какъ можно дальше отъ главной колонны и аріер-

гарда. Лабинцевъ основательно обвинялъ Бѣлявскаго въ томъ, что онъ шелъ слишкомъ скоро и тѣмъ особенно затруднялъ его положеніе. И вдругъ, за такую неумѣлость даютъ Георгія!.. Когда я, послѣ Дарго, увидался съ Лабинцовымъ, онъ съ негодованіемъ сталъ мнѣ разсказывать о трудномъ положеніи, въ которое его ставилъ быстро уходившій авангардъ.

Въ другой экспедиціи, подъ начальствомъ Граббе, Лабинцевъ тоже командовалъ аріергардомъ. Дѣло у него было жаркое. При одномъ изъ натисковъ горцевъ онъ схватилъ ружье убитаго и дрался какъ простой солдатъ. По окончаніи дѣла Лабинцевъ сталъ упрекать Граббе за слишкомъ, по его мнѣнію, быстрое отступленіе главныхъ силъ отряда, оставившихъ его въ такомъ затруднительномъ положеніи, что онъ вынужденъ былъ самъ драться съ ружьемъ въ рукахъ. На послѣднее обстоятельство онъ особенно напиралъ, какъ будто оно служило неопровержимымъ доказательствомъ. Граббе это наконецъ надоѣло, и онъ закончилъ разговоръ, сказавъ: «Мнѣ очень жаль, ваше превосходительство, что въ сегодняшнемъ дѣлѣ у меня было однимъ солдатомъ больше и однимъ генераломъ меньше».

На этомъ обрываются личныя воспоминанія В. А. Бельгарда; но такъ какъ участіе въ Даргинской экспедиціи [1]) представляетъ одну изъ блестящихъ страницъ его боевой жизни, а между тѣмъ въ автобіографіи сказано о томъ лишь нѣсколько словъ, то полагаемъ нужнымъ дополнить ихъ нѣкоторыми подробностями.

Вдаваться въ полное описаніе этой экспедиціи будетъ здѣсь не у мѣста. Скажемъ только, что главнокомандующій кавказскими войсками князь Воронцовъ предпринялъ ее по указаніямъ, выработаннымъ въ Петербургѣ и высочайше утвержденнымъ, но основаннымъ на невѣрныхъ соображеніяхъ, которыя доказывали малое знаніе условій кавказской войны. По прибытіи князя Воронцова на мѣсто и по совѣщаніи съ опытными кавказскими генералами, увѣренность его въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія сильно поколебалась; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился его выполнить, и едва было жестоко не поплатился за это.

Отрядъ, надъ которымъ онъ принялъ личное начальство, былъ необычайно крупныхъ для Кавказа размѣровъ. Въ составъ его вошли какъ мѣстные полки, такъ и части прибывшихъ къ нимъ на подкрѣпленіе войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Наступленіе велось со стороны Темиръ-Ханъ-Шуры, черезъ Андію, откуда войска двинулись въ лѣса Ичкеріи,

---

[1]) Дарго—аулъ въ Ичкерійскомъ лѣсу, въ Большой Чечнѣ, считавшійся главною резиденціею Шамиля.

овладѣли ауломъ Дарго, но затѣмъ, не имѣя продовольствія и отовсюду окруженные непріятелемъ, попали въ почти безвыходное положеніе. По невозможности отступить прежнимъ путемъ, князь Воронцовъ рѣшилъ двинутся къ сѣверу, по направленію на Герзель-аулъ. Движеніе это, сопряженное съ страшными потерями, вѣроятно кончилось бы полною катастрофой, если бы не явился на выручку бѣдствующаго отряда генералъ Фрейтагъ съ наскоро собранными на линіи войсками.

По мѣрѣ движенія главныхъ силъ въ Андію и далѣе, отъ нихъ оставляемы были, на пути слѣдованія войскъ, особые отряды, на которые возлагалось поддержаніе сообщеній и препровожденіе транспортовъ съ продовольствіемъ. Послѣднимъ изъ такихъ этаповъ былъ аулъ Гагатль (около самаго перевала въ Чечню), у котораго устроили легкое полевое укрѣпленіе. Оставшійся здѣсь отрядъ ввѣренъ былъ начальству подполковника Бельгарда и состоялъ всего изъ 5 ротъ, съ двумя полевыми и однимъ горнымъ орудіями, да нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ и стрѣлковъ. При движеніи главныхъ силъ къ Дарго, на рукахъ Бельгарда оставлена была часть запаснаго парка Вагенбурга и болѣе 250 чел. больныхъ.

Положеніе этого маленькаго отряда въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ крупными скопищами непріятеля, дѣлалось день-ото-дня все болѣе критическимъ, и горцы, зная, что главныя силы русскихъ не могутъ дать ему помощь, имѣли право разсчитывать на полное его уничтоженіе.

Въ ночь съ 12-го на 13-го іюля, привели къ Бельгарду лазутчика съ слѣдующимъ письменнымъ приказаніемъ главнокомандующаго:

«Симъ предписываю вамъ, по полученіи этого приказанія, оставить полевое укрѣпленіе у Гагатля и, съ ввѣренными вамъ войсками, съ ранеными и больными, равно какъ со всѣми запасами, перейти къ Андійскимъ воротамъ.

«По прибытіи къ расположеннымъ у названныхъ воротъ войскамъ, старшій въ чинѣ принимаетъ начальство надъ всѣми собранными войсками, оставляетъ устроенный тамъ полевой окопъ и, со всѣми войсками, переходитъ къ Мичикалю, чтобы соединиться съ войсками, тамъ расположенными. Въ Мичикалѣ войска сосредоточиваются и поступаютъ подъ команду генералъ-маіора князя Бебутова, которому я тоже посылаю нужныя по этому предмету приказанія.

«О движеніи вашихъ войскъ отъ Гагатля къ Букру, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, не слѣдуетъ предварительно объявлять, и движеніе это, по возможности, должно совершиться неожиданно для горцевъ.

«Дабы облегчить подъемъ на горный хребетъ у Буюрскаго ущелья, поручаю вамъ предварить начальника расположенныхъ у Буюрскихъ

*

воротъ войскъ о предстоящемъ прибытіи вашемъ, чтобы онъ могъ выслать на встрѣчу вамъ часть своихъ силъ, приблизительно—баталіонъ, до половины пути. 11-го іюля 1845 г. «№ 35., Дарго» [1]).

Трудное дѣло предстояло Бельгарду; но то былъ не такой человѣкъ, чтобы терять голову въ опасныя минуты. Не имѣя никакихъ средствъ для перевозки труднобольныхъ и раненыхъ, онъ приказалъ освободить отъ обыкновенной ноши всѣхъ подъемныхъ лошадей, бывшихъ при баталіонѣ; по его же предложенію, офицеры, имѣвшіе верховыхъ и вьючныхъ лошадей, охотно уступили ихъ больнымъ. Для той же надобности употреблено было 18 казачьихъ коней; остальныхъ же больныхъ приказано было вести нижнимъ чинамъ. Для отвоза части парка, Бельгардъ велѣлъ людямъ разобрать по рукамъ ружейные патроны, а также часть артиллерійскихъ снарядовъ—и въ 6 час. утра отрядъ былъ уже готовъ къ выступленію. Передъ выступленіемъ предписано было: всѣ вещи, которыхъ нельзя было вывезти, собрать въ кучу и предать пламени.

Движеніе отряда изъ брошеннаго укрѣпленія на Буцрахкальскія высоты, подъ постояннымъ огнемъ противника, продолжалось съ 6 час. утра до 9 час. вечера. Въ 10 час. ночи отрядъ прибылъ къ ущелью, ведущему въ Андію и потому называемому «Андійскими воротами», а въ полночь присоединился къ второму транспортному этапу, состоявшему изъ двухъ баталіоновъ Житомирскаго полка, подъ командою подполковника Голикова. Бельгардъ, какъ старшій въ чинѣ, принялъ начальство надъ обоими отрядами.

14-го іюля онъ двинулся къ урочищу Мичикалъ подъ безпрерывными нападеніями непріятеля. Подъемъ на гору происходилъ уже ночью и сопряженъ былъ съ чрезвычайными затрудненіями; пошелъ сильный дождь; дорога была завалена камнями, расчистка ея производилась съ большими усиліями; много артиллерійскихъ лошадей было перебито и ранено; люди выбивались изъ силъ.

71-го іюля Бельгардъ достигъ, наконецъ, урочища Мичикалъ. Оставивъ здѣсь, по приказанію князя Бебутова, два баталіона житомірцевъ, при двухъ полевыхъ орудіяхъ, онъ, съ остальными частями, присоединивъ къ нимъ 2-ой баталіонъ Куринскаго полка, прибылъ, 18-го іюля, къ аулу Кыркъ.

За все время отступленія отряда, онъ потерялъ убитыми 23 человѣка; раненными и контуженными 10 офицеровъ и 61 нижнихъ чи-

---

[1]) Подлинникъ этого приказанія (хранящійся въ семьѣ Бельгарда) написанъ по-нѣмецки, въ виду того, конечно, чтобы, въ случаѣ захвата лазутчика непріятелемъ, находившіеся при Шамилѣ дезертиры не могли разобрать написаннаго.

новъ. Во время остановокъ колонны, убитые и умершіе отпѣвались находившимся при отрядѣ священникомъ и тѣла ихъ тутъ же предавались землѣ.

Участь отряда, оставленнаго въ Гагатлѣ, очень безпокоила князя Воронцова. Уже по окончаніи экспедиціи онъ писалъ А. П. Ермолову: «Богъ намъ помогъ; потому что, безъ всякой нашей вины, могли бы быть большія непріятности. Не приди въ самую пору и съ неимовѣрнымъ трудомъ, 13-го іюля къ утру, лазутчикъ нашъ въ Андію, мы бы можетъ быть, потеряли баталіонъ, оставленный съ храбрымъ Бельгардомъ, со всѣми тяжестями своими в съ частью артиллеріи. Я это чувствовалъ при выступленіи изъ Дарго и ужасно этого боялся, но дѣлать было нечего».

«Съ ужасомъ читаю въ письмѣ твоемъ,—отвѣчалъ Ермоловъ,—что могъ быть потерянъ оставленный въ Андіи баталіонъ; но Бельгардъ молодецъ и отступилъ славно, внушая къ себѣ уваженіе» [1]).

Легко понять, какъ отлегло на душѣ у князя Воронцова, когда онъ узналъ, что отрядъ, за участь котораго онъ такъ страшился, не только благополучно вернулся, преодолѣвъ всѣ опасности, но не оставивъ въ рукахъ противника даже и сломаннаго колеса.

Знаемъ достовѣрно, что князь Воронцовъ сейчасъ послалъ спросить у Бельгарда, какую бы желалъ онъ получить награду за свой подвигъ? Отвѣтъ послѣдняго былъ вполнѣ его достоинъ: «Я исполнилъ свой долгъ, и награды не могу просить».

Князь Воронцовъ, конечно, безъ награды его не оставилъ, и 19-го августа того же года Бельгардъ произведенъ былъ въ полковники «за особое отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ».

Въ концѣ того же 1845 года Бельгардъ командированъ былъ для формированія Кубанскаго егерскаго (нынѣ 76-го пѣхотнаго) полка, котораго назначенъ командиромъ, и до 50-ти-лѣтняго юбилея котораго ему пришлось дожить.

Заключительнымъ актомъ боевой дѣятельности его на Кавказѣ было участіе въ экспедиціи отряда князя Аргутинскаго къ дагестанскому аулу Чохъ (1849 г.), за которую Бельгардъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры.

Черезъ два года послѣ того (въ декабрѣ 1851 г.) онъ оставилъ Кавказъ, и затѣмъ командовалъ разными дивизіями; но участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ему уже не пришлось принимать. Во время польскаго мятежа 1863—64 г.г., Бельгардъ, состоя въ войскахъ, расположенныхъ

---

[1]) Газета „Кавказъ“, 1879 г., № 46.

въ Сѣверо-Западномъ краѣ, былъ начальникомъ Россіенскаго отдѣла [1]), а потомъ, переведенный въ Царство Польское, завѣдывалъ Радомскимъ отдѣломъ.

Въ 1865 году Бельгардъ назначенъ былъ динабургскимъ комендантомъ; въ 1872—членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ; а въ ноябрѣ 1878 года произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

[1]) Мы слышали отъ очевидцевъ, что военныя мѣры, принятыя Бельгардомъ въ Россіенскомъ отдѣлѣ, были на столько разумны и цѣлесообразны, что во ввѣренномъ ему раіонѣ можно было ѣздить безъ конвоя.